19042

323.1(47)

Григорій Ландау.

ГН53
Л199

Инв. № 150

ПОЛЬСКО-ЕВРЕЙСКІЯ ОТНОШЕНІЯ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Тип. Петр. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ". Кавалергардская, 40.
1915.

323.1(47.

Григорій Ландау.

Инв. №

ПОЛЬСКО-ЕВРЕЙСКІЯ ОТНОШЕНІЯ.

(СТАТЬИ и ЗАМѢТКИ).

ПЕТРОГРАДЪ.
Тип. Петр. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ". Кавалергардская, 40.
1915.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ГН53
Л199 Р

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)
1147
27
102515

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловіе	5
I. Польско-еврейскій конфликтъ (1911 г.). ..	11
II. Польское коло, евреи и Россійская Имперія (1911 г.).....	22
III. Походъ польскаго національзма (1913 г.).	43
IV. Къ характеристикѣ польскаго коло (замѣтки).	
1. Коло и національныя права (1907 г.) (2-ая Государственная Дума).....	79
2. Тактика польскихъ депутатовъ (1910 г.). (3-ья Государственная Дума).....	86
3. Поправка депутата Грабскаго (1911 г.). (3-ья Государственная Дума).	89
4. Невинность и капиталъ (1913 г.) (4-ая Государственная Дума).	92
V. Обывательскіе комитеты (1915 г.)	98

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я собралъ въ эту брошюру нѣсколько статей и замѣтокъ, написанныхъ за рядъ послѣднихъ лѣтъ по разнымъ поводамъ, но по одному и тому же вопросу—о польско-еврейскихъ отношеніяхъ. Переживаемое нами время великой войны можетъ, конечно, существенно измѣнить всѣ отношенія, и экономическія, и общественныя, въ предѣлахъ польскихъ земель. Заключеніе мира, можетъ быть, найдетъ эти земли разоренными на долгое время; можетъ быть, сильно разрѣдится въ нихъ еврейское населеніе, изнемогши подъ тяжестью неслыханныхъ тяготъ. Вереницы тысячъ и едва ли не десятковъ тысячъ бѣженцевъ, принужденныхъ покинуть родныя мѣста, потянувшіяся на Востокъ,—вѣроятно, уже не вернутся назадъ, откуда разоренные ихъ собратья бросятся уже и въ добровольную эмиграцію. Война и сопровождающія ее бѣдствія, можетъ быть, сослужатъ незамѣнимую службу польскому воинствующему націонализму, уменьшивъ еврейское населеніе Польши, нанеся ему тягчайшіе удары. Насыщенный убійственными испареніями воздухъ, и самая почва, отравленная не однимъ только трупнымъ

разложеніемъ создадутъ новую среду, о которой сейчасъ и преждевременно и невозможно составить себѣ представленіе. Нѣкоторый оптимизмъ послѣдующихъ статей можетъ оказаться опровергнутымъ непредвидѣннымъ событіемъ войны.

При всемъ томъ уже послѣдніе до войны годы выявили и завершили въ польско-еврейскихъ отношеніяхъ нѣчто, что приходится теперь признать надолго неизгладимой ихъ составною частью, что будетъ неотвратимо отражаться на дальнѣйшей судьбѣ этихъ отношеній, какимъ бы непредвидимымъ воздѣйствіямъ имъ ни пришлось еще подвергнуться; эти моменты существенно предохранить отъ забвенія, столь естественнаго въ вихрѣ величественныхъ міровыхъ событій. За послѣднее десятилѣтіе окончательно опредѣлился наступательный походъ польскаго національнизма на еврейство и сложился въ подлинную національную войну историческаго размаха и значенія. Въ этомъ значеніе истекшаго десятилѣтія; въ этомъ причина того, что, не принявъ его во вниманіе, невозможно будетъ понять ни того, какъ сложатся польско-еврейскія отношенія послѣ войны, ни той атмосферы, которая уже установилась во время самой войны. Впрочемъ, о самой этой атмосферѣ, какъ бы жестоко-тягостной она ни была для еврейства, я не считалъ возможнымъ распространяться въ настоящей брошюрѣ, въ силу того, что протекающія исключительныя событія не допускаютъ еще равномѣрно-всесторонняго изложенія; а также и въ силу того, что здѣсь съ факторомъ польскаго юдофобства сплетаются уже иные факторы, неподлежащіе и недоступные разсмотрѣнію въ этомъ мѣстѣ. Поэтому изъ текущихъ событій я остано-

вился только на одномъ рядѣ явленій—на обывательскихъ комитетахъ,—въ неразрывной преемственности непосредственно продолжающихъ политику польскаго общественнаго національнзма въ предыдущіе года.

За послѣднее десятилѣтіе оформился и проявился противо-еврейскій походъ польскаго національнзма. Цѣлью перепечатанныхъ здѣсь (съ незначительными измѣненіями и дополненіями) статей и замѣтокъ и было—отмѣтить нѣкоторыя крупныя проявленія этого похода, и освѣтить ихъ смыслъ и значеніе. Я знаю, что болѣе полное пониманіе и освѣщеніе этого похода требуетъ вскрытія его историческихъ основъ въ прошломъ шляхетской Польши и выросшей изъ нея—ея національной культуры и устремленій. Я знаю, что такой объективно-историческій анализъ далъ бы и весьма дѣйственное политическое оружіе противъ наступательныхъ силъ польскаго національнзма; думаю, что въ дальнѣйшихъ стадіяхъ борьбы необходимо будетъ къ этому анализу и прибѣгнуть. Тѣмъ не менѣе въ собранныхъ здѣсь статьяхъ я старался избѣгать исторически обобщающихъ характеристикъ и распространительныхъ оцѣнокъ. Я старался оставаться въ предѣлахъ однихъ только неоспоримо установимыхъ явленій текущей дѣйствительности; старался основывать свои соображенія и выводы на минимумѣ фактовъ, неподлежащихъ ни съ чьей стороны оспариванію или перетолкованію. Ибо мнѣ казалось, что если такой пріемъ нѣсколько и скрадываетъ, затушевываетъ злую силу предпринятаго противъ еврейства наступленія, если онъ и оставляетъ неудовлетвореннымъ оскорбленное и встре-

воженное чувство стороны, подвергающейся нападенію, то—зато—выводы, добытые такимъ пріемомъ, получаютъ особый вѣсъ непреложности. И считая нелишнимъ для интересующихся вопросомъ, слишкомъ часто обнаруживающихъ въ нашей средѣ забывчивость на всякую конкретность, сохранить сопоставленными эти нѣкоторые факты, аргументы и выводы,—я и собралъ разрозненныя замѣтки въ одну брошюру.

Я считалъ не лишнимъ сдѣлать это еще и потому, что изъ событій польско-еврейскаго конфликта послѣдняго времени вытекаютъ не только нѣкоторые выводы, касающіеся польскаго аггрессивнаго національнаго сожительства въ государствѣ; ибо показательное значеніе разбираемыхъ фактовъ во всякомъ случаѣ выходитъ за предѣлы чисто мѣстныхъ отношеній. Этими событіями въ частности намѣчаются и нѣкоторые директивы для еврейскаго общества.

Первою изъ такихъ директивъ я считаю то положеніе, что развернувшаяся борьба и предполагаетъ и приводитъ къ необходимости сплоченія всѣхъ общественныхъ силъ россійскаго еврейства—не только еврейства польскаго, но и всего еврейства въ Россіи—для совмѣстнаго самоотстаиванія; мы должны убѣдиться и доказать, что наше общее безправіе еще не обезсиливаетъ насъ окончательно въ защитѣ противъ всякихъ нападеній. Второе положеніе я усматриваю въ томъ, что благопріятные для нашего праваго дѣла шансы лежатъ только на путяхъ свободнаго,

роста всей россійской государственности, содружнаго развитія всѣхъ совмѣстно входящихъ

въ ея составъ народностей. Третье положеніе заключается въ томъ, что въ сознаніи политико-общественной и моральной правоты нашей самозащиты мы должны стремиться къ внесенію возможно широкой гласности и свѣта, къ возможно полному и исчерпывающему вынесенію передъ лицо всего общественнаго мнѣнія польско-еврейскаго конфликта; это не только наше право передъ противникомъ, не только наша обязанность передъ самими собой, не только цѣнное для насъ оружіе, но и—правомѣрное по отношенію къ тѣмъ, на чье вниманіе мы претендуемъ. Ибо—закончу это предисловіе выводомъ одной изъ послѣдующей статей—защищая себя, мы отстаиваемъ общую всѣмъ народамъ почву права и культуры, мы дѣлаемъ въ этомъ углу міра, въ этой части Россіи общее человѣчеству дѣло справедливости и прогресса.

Г. Л.

10 февраля
1915 г.

ПОЛЬСКО-ЕВРЕЙСКІЙ КОНФЛИКТЪ [1]).

I.

На неизмѣнно мрачной канвѣ еврейской общественно-политической жизни особенно яркимъ и грознымъ узоромъ вырисовался въ истекшемъ году небывало обострившійся польско-еврейскій вопросъ. Подготовлялось это обостреніе, конечно, уже издавна; но въ 1910 г. оно въ небывалой сгущенности и съ рѣдкой наглядностью вскрылось передъ общественнымъ вниманіемъ, какъ боевой вопросъ текущаго и грядущаго дня.

По всей линіи польскій натискъ на еврейство разростался въ истекшемъ году, повидимому, приближаясь къ своему максимуму. Подняло польское общество кампанію—еще въ предшествующіе года—противъ «литваковъ», пришлыхъ въ Польшу литовскихъ и русскихъ евреевъ, обвиненныхъ въ руссификаціи края. Вскорѣ расширили объектъ нападенія, включивъ въ него еврейскую націоналистски-настроенную интеллигенцію, «жаргонистовъ», обвиненныхъ въ сепаратизмѣ и въ гря-

[1]) «Еврейскій Міръ», 1911 г., № 1.

дущемъ германизированіи края. Естественно, что весьма скоро къ нимъ была пріобщена и вся «некультурная» еврейская масса, говорящая на своемъ языкѣ, и не живущая общепольской жизнью. И, наконецъ, съ легкой руки Дмовскаго, нападавшіе не пощадили и ополяченную часть еврейскаго общества, поляковъ моисеева закона, все сдѣлавшихъ, чтобы заслужить польское благоволеніе. Такимъ образомъ замкнулись круги еврейскаго народа,—онъ весь цѣликомъ оказался объектомъ польскаго натиска.

Точно также ширились и круги нападавшихъ. Къ сохранившимся отъ прошлыхъ временъ профессіоналамъ антисемитизма и клерикальнымъ группамъ присоединились народовые демократы, которые въ лицѣ своего лидера Дмовскаго и стали во главѣ всего движенія. То, что реалисты въ общей массѣ лишь мало различимы отъ народовцевъ, не можетъ вызвать какихъ либо недоумѣній; но всего замѣчательнѣе—и это и наложило печать на польскую антисемитическую кампанію истекшаго года,—что къ нимъ присоединились и прогрессисты со своимъ виднымъ вождемъ, А. Нѣмоевскимъ, во главѣ. Если присоединить сюда антиеврейское выступленіе соціалистической «фракціи», то мы получимъ небывалую картину антиеврейскаго единодушія почти что всего польскаго общества, небывалую въ лѣтописяхъ современной европейской культуры картину того, какъ въ открытомъ и горячемъ натискѣ на еврейство заядлый антиклерикалъ подаетъ руку фанатичному клерикалу, крайній радикалъ идетъ бокъ-о-бокъ съ націоналистомъ, пылкій демократъ съ аристократомъ. Польшѣ, которую будто только

русская власть отдѣляетъ отъ европейской культуры, суждено было обнаружить свою культурную индивидуальность въ этой рѣдкостной формѣ, ставящей ее далеко ниже того уровня, на которомъ твердо стоитъ русское общество.

И не менѣе характерны, чѣмъ антиеврейскія выступленія указанныхъ лицъ и группъ,—молчаніе другихъ. Противъ всеобщаго нападенія раздались нѣкоторые соціалистическіе голоса, и до крайности рѣдкіе либеральные. И къ тому же нѣкоторыя выступленія обставлялись такими оговорками и умолчаніями, которыя еще рѣзче подчеркиваютъ проявившійся общій тонъ почти безраздѣльной враждебности. Такимъ образомъ, практически правильно сказать, что въ 1910 г. въ борьбѣ противъ всего еврейства участвовали почти всѣ дѣйственные круги польскаго общества.

Если обратиться къ путямъ и способамъ борьбы, то и въ этомъ отношеніи прошедшій годъ обнаруживаетъ ту же полноту, которую мы видимъ въ другихъ отношеніяхъ. Къ давнишней житейской, бытовой отчужденности и чуранію, присоединился лозунгъ активной хозяйственной борьбы, экономическаго вытѣсненія изъ давнишнихъ позицій, бойкота и устраненія. Еще ярче, слышнѣе проявилась борьба «идейная»; газетная, журнальная обработка общественнаго мнѣнія, упорная по всей линіи мобилизація враждебныхъ настроеній, чувствъ, аргументовъ. Наконецъ,—и въ этомъ снова проявляется новшество прошлаго года,—въ польскихъ общественныхъ кругахъ появляется рѣшимость требовать правовыхъ ограниченій для евреевъ (по отношенію къ участію въ городскомъ самоуправленіи); въ этомъ духѣ, впрочемъ, заме-

тая слѣды никого не обманувшимъ лицемѣріемъ дѣйствуютъ представители польскаго коло въ комиссіи Государственной Думы. Здѣсь польскіе политики явили знаменательную для людей, претендующихъ на европейскую культурность, попытку установленія заново правовыхъ ограниченій. Въ этомъ ясно сказалась бо́льшая близость руководящаго польскаго общества къ россійскому строю, нежели къ свободной Европѣ, на родство съ которой оно притязаетъ; въ этомъ сказалась поразительная нечувствительность къ своему положенію и къ своей позѣ апеллирующихъ къ свободѣ и культурности. Какъ бы то ни было, можно сказать, что въ истекшемъ году, въ своей борьбѣ съ евреями, польскіе дѣятели прибѣгли ко всѣмъ тѣмъ средствамъ, которыми, не прибѣгая къ физическимъ насиліямъ и къ уголовнымъ преступленіямъ, могутъ пользоваться лишенныя государственной власти общественныя силы.

Мы еще хорошо помнимъ, какое скандальное впечатлѣніе произвелъ антиеврейскій пароксизмъ національстической польской политики на нѣкоторые передовые круги русскаго культурнаго общества; и какъ пришлось инымъ польскимъ дѣятелямъ забить отбой. Въ этомъ смыслѣ 1910 г. окончился неудачей для нашихъ недруговъ. Надо думать, что они впредь будутъ продолжать свою работу съ большею осмотрительностью и умѣніемъ.

Каковы собственно ихъ цѣли,—въ этомъ всего труднѣе отдать себѣ ясный отчетъ. Раньше эта цѣль могла заключаться въ уничтоженіи своеоб-

разной народной физіономіи еврейства, въ поглощеніи и растворенiи его. Но въ возможности такого результата они теперь разувѣрились. Чего же они хотятъ? Уничтожить еврейство, изгнать изъ Польши, вытѣснить экономически, разорить, задавить угнетеніемъ и ограниченіями, обезличить и ослабить? Чувства вражды, ненависти, которыми они руководятся—ясны; ясно громадное и разностороннее зло, которое они причиняютъ и готовы въ будущемъ причинять. Но весьма сомнительно, чтобы—помимо огульной цѣли причиненія еврейству возможно большаго зла—у нихъ могла сложиться сколько нибудь опредѣленная идея, какое государственное отношеніе, какой status установить по отношенію къ еврейству; крайне сомнительно, чтобы они опредѣленно знали, чего добиваются.

И въ этомъ слабость польской антиеврейской политики, обрекающая ее на неизбѣжный конечный неуспѣхъ.

II.

Конечно, сейчасъ необычайно тяжелымъ и грознымъ представляется положеніе польскаго еврейства. На нашихъ глазахъ назрѣваетъ новая, трагическая по своему содержанію, историческая по своему размаху, борьба. Неимовѣрная тягостность еврейскаго положенія въ Россіи осложняется для польскаго еврейства напряженнѣйшей борьбой со стороны окружающаго его народа, въ шесть разъ превышающаго его численностью, сильнаго своей сплоченностью, традиціями, яркимъ національнымъ чувствомъ, крѣпкой во многихъ отноше-

ніяхъ культурой. Въ другихъ мѣстахъ грядущее торжество свободы и демократіи обѣщаетъ раскрѣпощеніе и еврейству; здѣсь же, если судить по проявленіямъ истекшаго года, и демократическая, свободная отъ сдержекъ Польша грозитъ всей тяжестью обрушиться на еврейство. Оно окажется сплоченнымъ меньшинствомъ, единственнымъ сколько нибудь значительнымъ (въ отличіе отъ положенія національнаго меньшинства въ Россіи или Австріи), достаточно сильнымъ, чтобы обращать на себя вниманіе и тревожить ревнивое господствующее большинство, достаточно слабымъ, чтобы подвергнуться тяжелымъ опасностямъ.

Къ тяжелой борьбѣ, несомнѣнно, должно готовиться еврейство. Оно и готовится. Самосохраненіе живого коллектива сказалось уже и въ истекшемъ году. Кажется, никакая организаціонная дѣятельность еще не предпринята, никакія позиціи не заняты во внѣ. Но внутри идетъ работа духовнаго сплоченія, культивированія народныхъ цѣнностей, выработки общественнаго мнѣнія, объединенія настроеній. Посколько можно судить издали, именно, въ этомъ пробужденіи и оформленіи настроеній, сознанія—главный итогъ истекшаго года. Но, впрочемъ, эти духовныя явленія отразились уже и на нѣкоторой ломкѣ во внутренней структурѣ польскаго еврейства.

Въ силу длиннаго историческаго процесса польско-еврейская интеллигенція, становясь интеллигенціей, въ наибольшей своей части отрывалась отъ еврейской массы, лишавшейся такимъ образомъ своихъ культурныхъ силъ и слоевъ, и тѣсно примыкала къ польскому обществу, къ польскому національному. Масса была въ культурно-обще-

ственномъ отношеніи какъ бы обезглавлена. Только недавно стала появляться близкая къ народу интеллигенція, доселѣ еще впрочемъ слабая и маловліятельная. Но обостреніе польско-еврейскихъ отношеній неизбѣжно должно было внести сюда рѣзкій переломъ. Старая позиція ополяченнаго еврейскаго общества становится рѣшительно невозможной. Публицистика г. Нуссбаума вызвала, быть можетъ, больше смѣха, чѣмъ возмущенія. Политическое выступленіе гг. Дикштейна и Натансона превратилось въ общественный скандалъ, вызвало небывалое возбужденіе и протестъ. Ясно, что общественная роль этихъ круговъ кончается, и центръ тяжести общественнаго вліянія и значенія перемѣщается къ интеллигенціи, болѣе близкой массамъ. Можно думать, что сюда примкнетъ и немалая часть польско-еврейскаго общества, болѣе свѣжая, съ ярче выраженнымъ сознаніемъ своего достоинства, чувствомъ своей народности; и въ особенности—что ближайшее молодое поколѣніе интеллигенціи будетъ развиваться въ новой атмосферѣ близости къ своему народу. Такимъ образомъ окрѣпнетъ польское еврейство, укрѣпивъ и выростивъ родную интеллигенцію.

Такъ, изъ самой тягостности положенія выростаютъ силы и надежды. Разсматривая съ этой стороны неизбѣжно предстоящую борьбу, мнѣ хотѣлось бы намѣтить, что, какъ бы тягостной она ни была, намъ слѣдуетъ смотрѣть на нее съ бодростью и увѣренностью, ибо въ томъ видѣ, въ которомъ она рисуется въ настоящее время, значительные шансы побѣды, какъ это ни покажется странно,—на нашей сторонѣ.

Основная причина этого заключается въ томъ,

1025/5

Институт... при Ц...

что на нашей сторонѣ стихія жизни. Поляки хотятъ, чтобы еврейства не было въ Польшѣ, по крайней мѣрѣ, какъ еврейства. Еврейство, прежде чѣмъ что либо хотѣть, уже, какъ таковое, тамъ существуетъ. Поляки заняли свою позицію на взвинченномъ національностической страстью, и при томъ лишенномъ какой либо опредѣленности, максимумѣ. Позиція евреевъ основана на минимумѣ жизненнаго факта нашего народнаго существованія. Чтобы побѣдить, поляки должны произвести грандіозный сдвигъ милліоновъ людей, совершить громадную работу, нелегкую даже для державнаго народа, нелегкую даже въ предшествующіе вѣка, при томъ ни въ какой степени не коренящуюся въ интересахъ страны. Чтобы побѣдить, т. е. чтобы отстоять свое народное существованіе, евреи должны только продолжать свое существованіе въ Польшѣ, т. е. собственно дѣлать то, чего не дѣлать вовсе отъ нихъ и не зависитъ.

Въ самомъ дѣлѣ, пусть необычайно тягостны условія существованія польскаго еврейства, но не забудемъ и о сильныхъ его сторонахъ. Одна седьмая часть населенія края—это уже численно значительная сила; но одна седьмая часть, сосредоточенная въ городахъ, въ тѣсной взаимной близости, при условіяхъ сравнительной легкости соціальнаго общенія—это сила сугубо значительная. Численность и компактность отдѣльныхъ общинъ (напр., Варшавской), взятыхъ самостоятельно, уже абсолютно представляетъ самодовлѣющій соціальный вѣсъ: близость географическая и соціальная этихъ общинъ увеличиваетъ и закрѣпляетъ его. А вѣдь помимо этого за спиной этихъ польско-еврейскихъ общинъ стоитъ многомил-

ліонное русское еврейство, дальнѣйшее сплоченіе съ которымъ для нихъ неминуемо. Каково бы ни было положеніе еврейства въ русскомъ государствѣ, но во всякомъ случаѣ въ польско-еврейской тяжбѣ—его значеніе не сводимо на нѣтъ.

Но этого мало. Помимо отмѣченныхъ соціальныхъ моментовъ—и другія условія клонятъ къ тому, что именно здѣсь, въ Польшѣ, полнѣе, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, разностороннѣе и компактнѣе еврейство можетъ зажить культурной жизнью самостоятельнаго народнаго коллектива. Я имѣю въ виду условія культурныя. Въ отличіе отъ западно-европейскихъ странъ, и даже въ отличіе отъ Россіи—въ Польшѣ еврейство, пріобщаясь къ современности, оказывается лицомъ къ лицу не съ одной сложившейся культурой, а съ двумя—польской и русской. Всѣмъ строемъ общественной, хозяйственной, частью духовной жизни—навязывается, проникаетъ польскій бытъ, языкъ и пр. Но складомъ жизни административной, государственной, связью съ цѣлымъ русскаго государства, косвенно и связью съ цѣлымъ россійскаго еврейства—навязывается и проникаетъ бытъ, языкъ, культура русская. И самая эта двойственность стихійно наступающихъ культуръ ослабляетъ вербующее, растворяющее значеніе каждой. Два языка, двѣ литературы, два быта, два духовныхъ склада, двѣ системы вліяній интерферируютъ между собой, дѣлаютъ каждое менѣе поглощающимъ, менѣе внѣдряющимся въ безсознательность, болѣе поверхностнымъ и произвольнымъ. И на этомъ фонѣ съ неизбѣжной стихійностью увеличивается удѣльный вѣсъ своего быта, своего языка, своихъ учрежденій, связей и пр. При та-

кихъ условіяхъ культурный ростъ массы стихійно будетъ сопровождаться культурнымъ ростомъ и претвореніемъ стараго еврейскаго уклада въ новый еврейскій укладъ. Хотятъ ли этого поляки, или не хотятъ—но, именно, въ Польшѣ съ особенной яркостью и опредѣленностью сплотится и проявится народная индивидуальность еврейскаго коллектива.

Быть можетъ, именно потому, что они это чувствуютъ, польскіе націоналисты взвинчиваютъ до максимума свою націоналистическую позицію. Но въ самомъ этомъ, реальнымъ нуждамъ Польши нисколько не соотвѣтствующемъ, взвинчиваніи лежитъ и слабость ихъ позиціи. Съ достаточной яркостью это уже проявилось въ прошломъ году, когда, скомпрометировавъ себя передъ наиболѣе зрячею частью русской оппозиціи, они принуждены были бить отбой, лицемѣріемъ прикрывая свое отступленіе. Но можно думать, что въ дальнѣйшемъ—нереальность и пустая взвинченность польской націоналистической позиціи скажутся еще ярче. Двухмилліонное городское населеніе—это серьезная сила, и скоро матеріальные интересы иныхъ польскихъ слоевъ подскажутъ имъ, что выгоднѣе жить съ нимъ въ мирѣ, чѣмъ во враждѣ. Двухмилліонное городское населеніе—серьезная сила, и травля его равносильна губительной для страны, истощающей, обезсиливающей ее междоусобицѣ; и скоро чувство подлиннаго патріотизма подскажетъ инымъ группамъ, что во имя блага Польши эту междоусобицу надо прекратить или смягчить. Когда польскому обществу будетъ предоставлена Россіей большая свобода внутренней самодѣятельности, и изъ полосы безсильнаго сло-

веснаго кипѣнія оно перейдетъ къ реальной работѣ, то спадетъ взвинченная пустота шовинистическихъ чувствъ, и въ различныхъ областяхъ соціальной и политической работы иные польскіе круги почувствуютъ свою солидарность съ еврейскими. Экономическіе, государственные, тактическіе, общественные мотивы—все реальное будетъ дѣйствовать, подрывая взвинченный максимумъ польской антиеврейской политики, будетъ содѣйствовать закрѣпленію еврейской народной позиціи.

Несомнѣнно, крайне тяжела и грозна предстоящая польскому еврейству борьба. Но да будетъ вѣра въ справедливость еврейской позиціи и въ желѣзную устойчивость стихійныхъ процессовъ—бодрящею силою въ этой предстоящей тяжелой борьбѣ.

ПОЛЬСКОЕ КОЛО, ЕВРЕИ И РОССІЙСКАЯ ИМПЕРІЯ [1]).

За тѣмъ, что происходитъ въ Государственной Думѣ, бываетъ интереснымъ слѣдить не только потому, что въ ней находитъ яркое выраженіе то зло, которое совершается сейчасъ въ Россіи, но еще и потому, что въ ней заблаговременно проявляется и то зло, пережить которое намъ еще только угрожаетъ судьба. Это—показательная лабораторія, въ которой производятся опыты и наглядно выявляются процессы, разсѣянно и подспудно происходящіе въ странѣ, или даже еще только назрѣвающіе въ ней. Такой значительный показательный интересъ представляло и недавнее обсужденіе законопроекта о городскомъ самоуправленіи въ губерніяхъ Царства Польскаго,—и притомъ не только для характеристики складывающихся польско-еврейскихъ отношеній, но и шире—для освѣщенія вообще будущаго національной проблемы въ Россіи.

I.

Моя тема не требуетъ подробнаго изложенія законопроекта и преній о немъ. Я не остановлюсь

---

[1]) «Всеобщій Ежемѣсячникъ», 1911 г., декабрь.

даже и на такихъ существенныхъ подробностяхъ (какъ, напр., вопросъ объ языкѣ), которыя могли бы весьма ярко подкрѣпить развиваемые здѣсь тезисы. Ограничусь лишь однимъ пунктомъ, ибо въ немъ какъ въ фокусѣ сосредоточенъ смыслъ происходящаго,—вопросомъ объ избирательномъ правѣ въ органы городского самоуправленія.

Само собой разумѣется, что господская Дума 3-го іюля надѣляетъ избирательными правами лишь часть населенія, удовлетворяющую условіямъ значительнаго ценза. Но законопроектъ не ограничился такимъ выдѣленіемъ круга избирателей. Въ городахъ Польши живутъ разныя національности, въ большинствѣ тамъ поляки, много евреевъ, имѣется и небольшое число русскихъ. Въ виду возможнаго столкновенія ихъ интересовъ, и чтобы одна группа, находящаяся въ большинствѣ, не подавила на выборахъ остальныя, справедливо было бы ввести институтъ пропорціональнаго представительства; онъ обезпечилъ бы каждой группѣ, имѣющей интересъ выдѣлиться, возможность получить столько представителей, сколько соотвѣтствуетъ ея численности въ общемъ составѣ избирателей. Къ этому и сводилось поддержанное всей оппозиціей предложеніе прогрессистовъ. Но правительственный законопроектъ, принятый Думой, установилъ иное—избраніе по національнымъ куріямъ: русскіе выбираютъ своихъ представителей отдѣльно, поляки—отдѣльно, евреи—отдѣльно. Естественно для 3-ьей Думы, что она при этомъ русской куріи дала привилегіи, а права еврейской ограничила. Въ самомъ дѣлѣ, еврейской куріи предоставляется избирать лишь $^{1}/_{10}$ представителей тамъ, гдѣ еврей-

ское населеніе находится въ меньшинствѣ, $^1/_3$ — тамъ, гдѣ оно составляетъ большинство всего городского населенія; почти всѣхъ остальныхъ выборныхъ избираетъ курія польская[1]).

Чтобы оцѣнить такое устройство, необходимо помнить, что въ общемъ еврейское населеніе городовъ и мѣстечекъ Польши составляетъ около $^2/_3$ всего ихъ населенія, въ четырехъ губерніяхъ (по даннымъ переписи 1897 г.) превышаетъ 50%, а въ отдѣльныхъ мѣстечкахъ превышаетъ и 80%. Такимъ образомъ, еврейская масса въ двѣ пятыхъ городского населенія будетъ представлена въ городскомъ самоуправленіи несравненно менѣе, чѣмъ одной пятой (очевидно, даже меньше, чѣмъ одной седьмой) представителей. Въ городахъ, гдѣ польское населеніе въ большинствѣ, евреи—хотя бы ихъ было больше 40% — будутъ имѣть совершенно ничтожное представительство; будутъ лишены всякаго вліянія на ходъ городскихъ дѣлъ. Но и тамъ, гдѣ польское населеніе въ меньшинствѣ, оно все-же будетъ имѣть подавляющее большинство (около $^4/_5$) въ органахъ самоуправленія. Въ думскихъ преніяхъ отмѣчался даже такой, совершенно анекдотическій, случай, гдѣ при 92 евреяхъ-избирателяхъ—15 не-евревъ должны избирать 24 представителя; но и во многихъ другихъ случаяхъ, не достигающихъ такой анекдотичности, приходится считать, что выборное самоуправленіе совершенно не вводится, а вводится закономъ устанавливаемая олигархія небольшого числа поляковъ-цензовиковъ. Не о городскомъ са-

[1]) Къ этому прибавлю, что евреи лишены права занимать какія-либо должности въ городскомъ самоуправленіи; изъ ихъ среды можетъ быть избранъ лишь одинъ членъ управы.

моуправленіи идетъ здѣсь рѣчь, а о *національно-цензовомъ самовластіи*, которое заставитъ пожалѣть даже о чиновничьемъ завѣдываніи городскими дѣлами. «Что же это такое?» спрашивалъ въ своей думской рѣчи прогрессистъ, деп. Масленниковъ: «самоуправленіе или издѣвательство надъ идеей самоуправленія. Такое самоуправленіе ниже даже бюрократическаго управленія, ибо отъ чиновниковъ требуется все-таки образованіе, дѣловитость, и ихъ кто-то контролируетъ. А здѣсь достаточно какому нибудь поляку поселиться въ городѣ, и ему отдается на потокъ и разграбленіе большинство населенія [1]).

Мы не станемъ удивляться реакціонно-націоналистическому большинству третьей Думы, голосовавшему за такой законопроектъ. Какое городское самоуправленіе дорого русской реакціи—это намъ съ небывалой настойчивостью безъ устали напоминаетъ хотя бы крикливо-позорная исторія столицы; что націоналистическая реакція готова всюду, гдѣ можетъ, причинить возможно больше зла еврейству. это такъ же старо, какъ и она сама. Скорѣе даже стоитъ отмѣтить, что думское большинство оказалось въ этомъ вопросѣ еще сравнительно «либеральнѣе», во всякомъ случаѣ менѣе зловреднымъ, чѣмъ съ легкостью могло бы быть, ибо въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ самоуправленіе польскихъ городовъ представляетъ улучшенія сравнительно съ самоуправленіемъ русскихъ. Не на роли думскаго большинства хочу я остановить вниманіе читателя, также не хочу оста-

---

[1]) Цитирую по думскому отчету газ. «Рѣчь», № № отъ 29 ноября 1911 г.

навливаться и на выступленіяхъ оппозиціи. Другое имѣетъ совершенно исключительный показательный интересъ въ разбираемомъ вопросѣ,—именно, какъ отнеслось къ нему польское представительство въ Гос. Думѣ, польское коло.

II.

Разбираемый законопроектъ, конечно, нарушаетъ принципіальныя требованія польскихъ программъ. Однако, въ одномъ—весьма существенномъ—отношеніи онъ несомнѣнно удовлетворяетъ польское коло, является для него спеціально партійнымъ пріобрѣтеніемъ,—именно, тѣмъ, что устанавливаетъ въ городахъ Польши національное и классовое господство *цензоваго польскаго меньшинства*, прямымъ представителемъ котораго и является коло. Въ этомъ отношеніи законопроектъ какъ бы представляетъ милостивый подарокъ русскаго реакціоннаго націонализма—польскому. Коло и приняло этотъ даръ безъ дальнихъ словъ. Оно даже отказалось отъ внесенія какихъ-либо поправокъ, мотивируя такое воздержаніе нежеланіемъ тормозить несовершенный, но вносящій существенныя улучшенія въ жизнь польскихъ городовъ, законъ. Лишь мелькомъ оговорило оно въ своей декларації несогласіе по нѣкоторымъ пунктамъ; зато по одному вопросу сочло оно необходимымъ особымъ торжественнымъ заявленіемъ, прочитаннымъ деп. Яронскимъ, высказать свое полное признаніе и согласіе. Это и былъ вопросъ объ ограниченіи правъ еврейскаго населенія.

Ниже я перейду къ общей оцѣнкѣ позиціи,

проявленной въ этомъ заявленіи; но прежде остановлюсь на тѣхъ мотивахъ, которыми коло его обосновываетъ.

Первый доводъ заключается въ томъ, что равноправіе евреевъ въ городскомъ самоуправленіи Ц. Польскаго приведетъ—по мнѣнію коло,—при неравноправіи евреевъ въ другихъ мѣстахъ Россіи, къ искусственному наплыву ихъ въ Ц. Польское. Я не стану останавливаться на своеобразной откровенности этого довода въ его существѣ: ненормальность, которую коло признаетъ въ еврейскомъ безправіи въ Россіи, оно считаетъ нужнымъ исправлять не устраненіемъ безправія, а насажденіемъ его и въ Польшѣ. Но оставимъ это; достаточно отмѣтить лицемѣріе этого соображенія. Нѣкоторое число русскихъ евреевъ, дѣйствительно, переселилось въ Польшу въ поискахъ за кускомъ хлѣба, а въ частности въ связи съ выселеніемъ изъ городовъ внутренней Россіи; еще больше, конечно, убѣжало изъ Польши за океанъ. Но, чтобы люди переселялись для удовольствія равноправно участвовать въ выборѣ гласныхъ городскихъ думъ,—въ это, конечно, и коло не вѣритъ, хотя на это ссылается.

Другимъ основаніемъ ограниченія въ городскомъ самоуправленіи выставляется то, что евреи обладаютъ въ Ц. Польскомъ организованной вѣроисповѣдной общиной, которая въ нѣкоторой степени позволяетъ имъ «устраивать по своему свои дѣла». Коло великодушно предоставляетъ евреямъ удовлетворять нѣкоторымъ изъ своихъ культурныхъ потребностей путемъ дополнительныхъ затратъ, усилій, работы въ своей общинной организаціи. Если бы при этомъ оно считало воз-

можнымъ взимать съ еврейскаго населенія въ пользу города не всѣ причитающіеся сборы, а только $^1/_5$ или $^1/_{10}$ таковыхъ, если бы оно могло предоставить еврейскому населенію исполнять свои обязанности по отношенію къ городскому самоуправленію, подчиняться ему только въ одной десятой или пятой части обязанностей и подчиненія, то было бы осмысленно въ соотвѣтствіи съ этимъ лишь частично удовлетворять и еврейскіе интересы, было бы послѣдовательно отсылать къ вѣроисповѣдной организаціи для удовлетворенія остальныхъ. Такая точка зрѣнія была бы неосуществимой, но по крайней мѣрѣ послѣдовательной. Коло, однако, поступаетъ иначе: освобождая еврейство отъ правъ, оно ни въ какой степени не освобождаетъ его отъ повинностей, обязанностей и сборовъ; и сознавая, что при этомъ интересы еврейства окажутся нарушенными, потребности не удовлетворенными, т. е. что на счетъ еврейскихъ повинностей и сборовъ будутъ удовлетворяться національно-польскія потребности въ ущербъ еврейскимъ, оно любезно отсылаетъ ихъ къ ихъ вѣроисповѣдной общинѣ; тамъ путемъ новыхъ повторныхъ затратъ, повинностей и обязанностей, оно предоставляетъ имъ, насколько возможно, удовлетворять своимъ культурнымъ запросамъ, оставленнымъ безъ удовлетворенія городомъ. Словомъ, коло не препятствуетъ евреямъ, по полномъ удовлетвореніи польскаго муниципалитета, на свой же дополнительный счетъ позаботиться и о себѣ, перенявъ на себя обязанности этого муниципалитета. Если при этомъ принять во вниманіе, что вѣроисповѣдная община, разумѣется, отнюдь не является организаціей, равносильной му-

ницыпалитету, то не трудно будетъ убѣдиться, что щедрость коло за чужой счетъ стоитъ вполнѣ на уровнѣ его хитроумія.

Но есть у коло еще одинъ аргументъ. «Евреи у насъ составляютъ большинство населенія во многихъ городахъ, но тѣмъ не менѣе мы не можемъ не считать этихъ городовъ польскими и не можемъ ихъ признать еврейскими». И здѣсь лицемѣріе, на этотъ разъ сочетающееся съ мало достойнымъ недовѣріемъ къ своему народу. Недовѣріе,—потому что не въ работѣ и самодѣятельности польскаго населенія, а въ безправіи еврейскаго видитъ оно основу сохраненія польскаго характера за городами Польши. Лицемѣріе—потому что и при этомъ оно считаетъ нужнымъ не только искусственно обезпечить большинство представителей за поляками тамъ, гдѣ они въ меньшинствѣ, но за одно уже всюду и вовсе уничтожить сколько-нибудь серьезное участіе, хотя бы и нисколько не рѣшающее, евреевъ въ самоуправленіи. Однако, знаменательна въ этомъ доводѣ не эта, а принципіальная его сторона.

Что, въ самомъ дѣлѣ, означаетъ—считать города польскими. Можно здѣсь «польскій» понимать въ государственно-правовомъ, территоріальномъ смыслѣ слова, т.-е. принадлежащій къ области, бывшей польскимъ государствомъ, имѣющей—предположительно—быть автономной. Въ этомъ смыслѣ признавать города польскими—значитъ лишь считать, что они должны управляться не извнѣ области, не чиновниками, назначенными изъ государственнаго центра, а органами, созданными въ предѣлахъ самой Польши; и поскольку рѣчь идетъ о самоуправленіи—органами, изби-

раемыми мѣстнымъ населеніемъ, т.-е. тѣмъ, въ составъ котораго входитъ и населеніе еврейское. Въ этомъ государственно-правовомъ смыслѣ признаніе городовъ польскими ни въ какой степени не ведетъ къ ограниченію правъ еврейскаго населенія. Если же коло выводитъ отсюда еврейское безправіе, то это потому, что оно, пользуясь этимъ понятіемъ въ національно-этническомъ смыслѣ, дѣлаетъ изъ него выводы государственно-правовые. Государственный лозунгъ: Польша для польскаго населенія, для гражданъ Польши,—подмѣненъ націоналистическимъ: Польша для гражданъ Польши польской національности; и этотъ націоналистическій лозунгъ немедленно сталъ «зоологическимъ»: Польша для безправія, для угнетенія гражданъ не польской національности. Это тотъ же лозунгъ угнетающаго націонализма, на почвѣ котораго подвергаются въ Россіи преслѣдованію и сами поляки, противъ котораго они протестуютъ въ Германіи. Это лозунгъ націонализма не только антидемократическаго, антигуманнаго; это лозунгъ—націонализма антигосударственнаго, ибо дѣлаетъ государство не организаціей населенія данной страны, ея гражданъ, ея народа, какъ совокупности гражданъ,—а дѣлаетъ государство органомъ одной части гражданъ, предназначеннымъ для угнетенія и эксплуатированія остальныхъ. Это лозунгъ, который великолѣпно поддерживаетъ, дополняетъ всякое сословное, классовое эксплуататорство, ибо основанъ на одной съ ними идеѣ, ведетъ къ одной цѣли—къ узаконенію господства привиллегированныхъ надъ безправными.

Въ данномъ случаѣ этотъ антигосударствен-

ный, *антиавтономный* (въ смыслѣ государственно-территоріальной автономіи) принципъ санкціонируется въ примѣненіи къ мѣстному самоуправленію, вѣрнѣе—принципъ самоуправленія имъ замѣняется. Городское самоуправленіе перестаетъ быть организаціей завѣдыванія мѣстными интересами мѣстнымъ населеніемъ, и становится орудіемъ націоналистической политики, политики господства націоналистической олигархіи.

Вполнѣ правильно и послѣдовательно соціалъ-демократическая фракція Гос. Думы отказалась отъ поддержки реакціоннаго дѣла, лишь прикрытаго прогрессивнымъ словомъ, и голосовала противъ перехода къ постатейному чтенію законопроекта.

III.

Я уже отмѣчалъ, что особую выпуклость получаетъ вносимое законопроектомъ ограниченіе, когда останавливаешься вниманіемъ на томъ, кто его поддерживаетъ и противъ кого направляетъ.

Ограниченію въ участіи въ городскомъ самоуправленіи подвергается не какой нибудь случайный элементъ населенія польскихъ городовъ, а ихъ еврейское населеніе, вѣками проживающее въ Польшѣ, столѣтіями осуществлявшее функціи польскаго третьяго сословія, слѣдовательно, принявшее весьма существенное участіе въ созданіи польскихъ городовъ, польской городской жизни. И понынѣ многочисленное еврейское населеніе принимаетъ весьма значительное участіе въ творчествѣ польской промышленности, въ торговой и

дѣловой жизни Польши, весьма существенно содѣйствуя ея благосостоянію,—ибо при ближайшемъ участіи евреевъ создались и работаютъ новѣйшіе промышленные центры Царства Польскаго. Ограниченію въ правахъ при содѣйствіи поляковъ подвергается населеніе, которое исторически видѣло въ Польшѣ свою родину, крѣпко въ старое время срослось съ польской государственностью и долго послѣ паденія ея оставалось проникнутымъ польскимъ патріотизмомъ, ярко отдѣлявшимъ его отъ соплеменнаго ему русскаго еврейства. Ограниченіе примѣняется къ населенію, гражданская равноправность котораго можетъ считаться признанной передовымъ польскимъ обществомъ въ знаменательный для Польши періодъ 60-хъ годовъ, и нашла воплощеніе въ законодательной дѣятельности маркиза Вельепольскаго; такимъ образомъ, поддержка правовыхъ ограниченій для еврейскаго населенія является какъ бы отреченіемъ отъ уже достигнутой поляками полъ-вѣка назадъ позиціи.

Не менѣе интересно тщательнѣе присмотрѣться къ тѣмъ, кто это ограниченіе санкціонируетъ; это представительство того народа, который и самъ подвергается угнетенію, ограниченію, который и самъ борется противъ него, искони апеллируя передъ лицомъ Европы къ принципамъ справедливости, національнаго равенства, демократизма; апеллируетъ къ нимъ и передъ лицомъ своихъ русскихъ угнетателей. А нынѣ: «Новое Время», бар. Черкассовъ, думская правая апплодируютъ польскому коло, возмущеніе и упреки ему приходится выслушивать отъ соціалъ-демократа Бѣлоусова, конст.-демократа Щепкина, прогрессиста

Масленникова. Поистинѣ убійственная иронія событій—или, можетъ быть, это только издѣвка русскихъ коллегъ по націонализму—что въ перемежку съ еврейскими ограниченіями обсуждался въ Думѣ вопросъ объ отторженіи Холмщины отъ польскаго края. Избиваемое плетью русскаго націонализма, коло—въ промежуткѣ между двумя ударами—любезно протягиваетъ своимъ палачамъ плеть для избиванія другихъ. Конечно, всѣмъ извѣстно, что жесточе всего обращаются съ рабами вольноотпущенники,—но вѣдь они уже отпущены. Весьма обычно палачами бываютъ штрафованные преступники,—однако, они то сами вѣдь были штрафованы уже раньше. Но чтобы битый во время битья подсоблялъ бьющему—это отвратительное зрѣлище можно смѣло признать совершенно необычнымъ.

А между тѣмъ—спустя сутки—можетъ быть, не прошло даже и полныхъ двадцати четырехъ часовъ—послѣ того, какъ отъ имени польскаго коло депутатъ Яронскій во имя польскихъ интересовъ санкціонировалъ еврейское безправіе, депутатъ Дымша—въ защиту польской Холмщины—отъ имени того же коло взывалъ къ принципу равенства всѣхъ русскихъ подданныхъ, къ идеямъ 17 октября. Почему же онъ не остановилъ депутата Яронскаго, когда тотъ призывалъ къ ихъ нарушенію? Почему же депутатъ Яронскій не высмѣялъ депутата Дымшу, когда этотъ призывалъ къ ихъ соблюденію? Почему они оба предоставили это сдѣлать епископу Евлогію, своему союзнику противъ евреевъ и врагу по Холмщинѣ? Депутатъ-епископъ Евлогій сдѣлалъ это за нихъ обоихъ достаточно опредѣленно. «Вотъ вамъ польская

логика», говорилъ онъ [1]), «когда касается поляковъ, то предоставьте имъ полноту правъ, а когда касается другихъ—то «не позвалямъ». Другихъ они не прочь согнуть въ бараній рогъ, и не только еврея, но и русскаго мужика».

Депутатъ-епископъ Евлогіи былъ сдержанъ; онъ только высказалъ недоумѣніе непослѣдовательности коло. Онъ могъ бы выразить презрѣніе его политикѣ.

IV.

Однако, далеко за предѣлы того спеціальнаго вопроса, къ которому оно относилось—за предѣлы польско-еврейскихъ отношеній—бросаетъ длинную, мрачную тѣнь разсмотрѣнное выше поведеніе польскаго коло.

Вотъ, мы видимъ, какъ на зарѣ «конституціонной эры представительство одной угнетаемой національности участвуетъ въ угнетеніи и ограниченіи правъ другой,—съ тѣмъ, чтобы на ея безправіи укрѣпить свое собственное мѣстное господство. Когда-то—еще недавно—въ виду того, что гнетъ исходилъ отъ единаго общегосударственнаго, самодержавно-бюрократическаго, нѣмецко-великорусскаго центра,—русскимъ передовымъ людямъ и угнетеннымъ русскимъ правительствомъ національностямъ казалось, что по единому пути освобожденія народовъ отъ власти этого единаго центра лежитъ разрѣшеніе всѣхъ національныхъ затрудненій. Но вотъ еще одного шага не сдѣлано по этому пути, а уже одна нація начинаетъ строить

---

[1]) Цитирую по думскому отчету въ «Рѣчи» отъ 26 ноября.

свои силы, свое господство на безправіи, на эксплуатаціи другой. Что-же будетъ дальше—въ той же Польшѣ; и однимъ ли польскимъ эксплуататорскимъ національнымъ ограничится дѣло. И не появится ли на мѣсто единаго зоологическаго національнаго, господствовавшаго на всю имперію—по разнымъ угламъ великой Россіи—цѣлый звѣринецъ маленькихъ національнымовъ, поѣдающихъ, кто что можетъ.

Правда, не слѣдуетъ забывать, что въ разобранномъ выше случаѣ рѣчь идетъ о поведеніи коло, т.-е. тѣхъ польскихъ депутатовъ, которые также представляютъ Польшу, какъ вся 3-ья Госуд. Дума представляетъ Россію, — по закону 3-го іюня. Но вѣдь вотъ въ Думѣ 3-го іюня находятся же и передовые, демократическіе, прогрессивные элементы; а польское коло оказалось сплошь національнымъ. Я не хочу сомнѣваться въ томъ, что въ польскомъ народѣ и теперь не погасло сознаніе человѣческаго равенства, межнаціональной солидарности; что по мѣрѣ расширенія свободы и живой самодѣятельности будетъ расширяться и это сознаніе. Я убѣжденъ, что со временемъ и холодный разсчетъ интересовъ страны потребуетъ прекращенія внутренней войны съ многочисленной и стойкой составной частью ея населенія. Но это пока что—только музыка будущаго; въ настоящее же время—нельзя скрывать этого отъ себя—въ польскомъ обществѣ господствуетъ агрессивный національнымъ. Поведеніе коло не случайность. Оно подготовлялось издавна—и рядомъ позицій, занятыхъ имъ въ Думѣ же и въ ея комиссіяхъ, и подготовительными совѣщаніями (въ прошломъ го-

ду) польскихъ общественныхъ дѣятелей, и длительной печатной агитаціей, въ которой принимали дѣятельное участіе наряду съ клерикалами и свободные мыслители (Свентоховскій, Нѣмоевскій), наряду съ консерваторами — прогрессисты вплоть до соціалистическихъ антисемитовъ. Да уже во внесенномъ во 2-ую Государственную Думу польскимъ коло проектѣ автономіи таились тѣ же черты (конечно, въ соотвѣтствіи съ эпохой—еще въ слабой степени) [1]). Да и не по одной только политической линіи происходитъ польскій антисемитическій, націоналистическій натискъ, но и по линіи экономическаго вытѣсненія, бытового отчужденія, культурнаго давленія. И противъ однихъ ли евреевъ направленъ воинствующій польскій націонализмъ,—развѣ въ Галиціи, напр., его объектомъ не являлись руссины?

Сомнѣній нѣтъ, что не случайностью является поведеніе коло.

Передъ поляками, какъ многочисленной, сильной, культурной, но подавляемой и въ разныхъ отношеніяхъ неполноправной націей,—лежитъ двоякая возможность политическаго развитія. Или добиваться своей національной свободы рука объ руку съ другими угнетенными народностями, въ сущности—шире говоря—съ другими угнетаемыми слоями населенія, въ союзѣ, значитъ, съ безправными народностями и съ безправнымъ народомъ Россіи. Въ качествѣ сильной и культурной націи поляки могли бы стать на первую линію въ этой борьбѣ, а слѣдовательно, въ ближайшемъ будущемъ имъ пришлось бы и принять на себя ея

---

[1]) См. ниже замѣтку «Коло и національныя права».

удары. На сторонѣ такой морально-блистательной позиціи—сочувствіе общественнаго мнѣнія передовой Россіи и культурной Европы; за нее—далекое будущее. Но пока надо оставаться безвластными и принимать удары дня. И вотъ открывается другая дорога—открыто стать на сторону угнетателей, поддерживать націоналистическую реакцію въ странѣ съ тѣмъ, чтобы получить право и возможность производить ее на свой счетъ у себя въ краѣ. Это—*идея картели угнетающихъ націонализмовъ*, поставленная *на мѣсто идеи союза освобождающихся народностей*. На эту-то позицію и стало польское коло и то общество, которое за нимъ идетъ.

И надо сказать, что нѣкоторыя ближайшія выгоды такая позиція несомнѣнно представляетъ. По крайней мѣрѣ, на поверхностный взглядъ импрессіонистскаго реализма—она представляетъ своего рода безпроигрышную лоттерею: поддерживая русскій націонализмъ, можно добиться и отъ него кое-какихъ уступокъ, а русскій демократизмъ все равно будетъ отстаивать требованія преслѣдуемаго народа. Въ маломъ размѣрѣ мы это и видимъ въ настоящее время въ Государственной Думѣ: въ вопросѣ объ отторженіи Холмщины оппозиція защищаетъ поляковъ; въ вопросѣ объ ограниченіи еврейскаго населенія въ пользу польскаго—поляковъ поддерживаютъ реакціонеры. Но, какъ извѣстно, въ безпроигрышной лотереѣ ничтоженъ—если не призраченъ—и выигрышъ. Опираясь и на оппозицію и на реакцію, теряешь уваженіе первой и довѣріе обѣихъ. И кто знаетъ, не скажется ли это достаточно скоро и на политикѣ польскаго націонализма?

Но что бы ни дало будущее, уже въ настоящемъ угрожающимъ симптомомъ и предупрежденіемъ ложится на весь узелъ національныхъ вопросовъ черная тѣнь политики польскаго коло.

V.

И въ самомъ дѣлѣ, самую основу національной проблемы задѣваетъ политика коло. Источникъ совокупнаго гнета во всѣхъ его проявленіяхъ, въ составъ котораго входилъ и гнетъ національстическій, былъ въ Россіи централизованъ

и

борьба за всяческое освобожденіе, когда наступило ея время, лежала одинаково на линіи уничтоженія этого централизованнаго гнета. Поэтому и борьба за свободную жизнь и творчество народовъ Россіи—складывалась по той же одной линіи: освобожденія отъ національстическаго гнета; поэтому она ощущалась, какъ освобожденіе отъ

національности. Въ этомъ былъ смыслъ и значеніе лозунга автономіи—обезпеченія національностей Россіи отъ подавленія ихъ одною, лозунга независимаго отъ этой одной самоопредѣленія каждой. Панацеей казался этотъ лозунгъ, ибо въ немъ формулировалась борьба съ основнымъ—въ національномъ вопросѣ—все заслонявшимъ зломъ эпохи. И самый лозунгъ,

заслонялъ своей центробѣжной тенденціей все остальное.

Конечно, и раньше теоретически ясна была и другая сторона дѣла; но она не проявлялась въ своемъ практическомъ значеніи уже потому, что стремленіе къ автономіи было борьбой съ національнымъ угнетеніемъ, а борьба съ нимъ сливалась въ одно неразрывное цѣлое съ тою борьбою противъ всякаго вообще угнетенія, которая и стояла на очереди дня. Но вотъ крѣпко установилась реакція, люди приспособились къ ней; и выступаетъ наружу другая сторона дѣла. Освобожденіе отъ единоимперскаго гнета, не будучи больше отрицаніемъ *гнета* вообще, стало отрицаніемъ лишь его *единства;* проявляется какъ тяготѣніе установить на ряду съ нимъ автономный мѣстный гнетъ, превратить Россію въ банку со множествомъ пауковъ, которые собираются приступить къ поѣданію другъ друга. И мы видимъ, какъ уже при первомъ едва замѣтномъ шагѣ на пути самоуправленія—нація посильнѣе норовитъ задавить націю послабѣе, находящуюся въ полосѣ ея возможнаго поѣданія.

Но съ перваго же взгляда ясно, что такой отказъ отъ общей свободы есть въ существѣ своемъ вмѣстѣ съ тѣмъ и отказъ отъ автономіи; ибо останься выборъ только между двумя возможностями, нѣтъ сомнѣнія, что и люди и націи предпочли бы деспотизмъ на разстояніи—тиранству сосѣда. Въ сущности въ этомъ вѣдь и заключается продѣланный исторіей путь грандіозныхъ централизацій, уничтожающихъ мѣстныхъ автономныхъ пауковъ; и продѣлать этотъ путь въ обратномъ направленіи можно только въ развалѣ и смерти.

Два положенія слѣдуетъ при этомъ отмѣтить. Первое,—что только по пути и на почвѣ общей свободы и демократизма возможно установленіе отдѣльныхъ автономій; и второе—въ настоящей статьѣ особо существенное—что для обезпеченія мирнаго сосуществованія народовъ недостаточно одной автономіи отъ цѣлаго, нужны и центростремительная сила зависимости отъ цѣлаго, единство множества націй въ цѣломъ единаго государства. Общія дѣла націй, основы ихъ совмѣстной жизни, разрѣшеніе существенныхъ конфликтовъ, рамки ихъ общаго бытія—всегда и при всѣхъ условіяхъ должны устанавливаться и контролироваться великимъ государственнымъ цѣлымъ. Въ немъ всѣ или большинство націй меньшинства, одинаково заинтересованныя въ общихъ для нихъ всѣхъ основахъ своего существованія въ государствѣ, будутъ, отстаивая при выработкѣ и защитѣ этихъ общихъ основъ свои интересы и права,—будутъ тѣмъ самымъ автоматически поддерживать права и интересы другъ друга; они будутъ неизбѣжно союзниками въ области общихъ основъ своего національно-государственнаго бытія. И вмѣстѣ съ тѣмъ само государство, не заинтересованное въ частныхъ пререканіяхъ, столкновеніяхъ и враждѣ, а заинтересованное лишь въ поддержаніи совмѣстной творческой жизнедѣятельности, могучаго общаго движенія и работы, единаго порядка—само великое государство можетъ стать и безпристрастнымъ и справедливымъ въ отношеніи къ отдѣльнымъ мѣстнымъ, частнымъ конфликтамъ. И уже только въ предѣ-

лахъ этихъ общегосударственныхъ рамокъ, осуществляя и восполняя общее, можетъ нормально въ соотвѣтственныхъ — вплоть до весьма широкихъ—размѣрахъ развиваться самоуправленіе и автономія мелкихъ и крупныхъ единицъ, городовъ и областей, волостей и народовъ. Именно являясь совмѣстнымъ бытіемъ множества народовъ, сообща его составляющихъ и имъ управляющихъ, великое демократическое государство, свободная «имперія», сильнѣе каждаго мѣстнаго, хотя бы и силвнаго, коллектива, способно его обуздать, и можетъ имѣть интересъ это сдѣлать,— поскольку само изъ многихъ народовъ складывается и заинтересовано въ ихъ мирномъ сожительствѣ.

Конечно, весьма далека такая картина свободной демократической и подлинно-автономистской «имперіи» отъ имперіи реакціонной, націоналистической, подавляющей, и если и расчлененной, то не на самоуправляющіяся подчиненныя части, а на самовластно управляемыя. Тѣмъ не менѣе ошибочно было бы думать, что заключенная въ такой картинѣ тенденція не можетъ найти приложенія уже и въ мелочахъ текущей дѣйствительности. Ибо дѣло съ этой точки зрѣнія идетъ не только о томъ, что—говоря фигурально—не польской Варшавѣ должно быть предоставлено установить основы всѣхъ взаимоотношеній населенія Польши, и не великорусской Москвѣ для Варшавы, а общеимперской столицѣ; дѣло идетъ уже и о томъ, что на претензію польскихъ націоналистическихъ круговъ, обращенную къ русской прогрессивной мысли,—не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Польши—долженъ послѣдовать принципіаль-

ный отказъ. Дѣло идетъ о томъ, что и сейчасъ уже все россійское общество имѣетъ право вмѣшиваться въ дѣла Польши, какъ и всякой области или народа, даже обязано это вмѣшательство произвести въ доступныхъ формахъ,—поскольку рѣчь идетъ объ основахъ общежитія, о началахъ государственности и гражданственности, о принципахъ права и человѣческаго достоинства. И не о вмѣшательствѣ только моральномъ, которое въ современномъ культурномъ мірѣ происходитъ и въ дѣла чужихъ государствъ, идетъ дѣло, а о доступномъ властномъ вмѣшательствѣ; ибо самоопредѣленіе народовъ не отрицаетъ, а предполагаетъ право и верховенство государства, въ составъ котораго они входятъ.

ПОХОДЪ ПОЛЬСКАГО НАЦІОНАЛИЗМА[1]),

Вниманіе русскаго общества все съ большей настойчивостью обращается на разыгрывающійся въ Польшѣ польско-еврейскій конфликтъ. Всецѣло господствующій въ современной польской общественности реакціонный націонализмъ,—впрочемъ, въ дружественномъ союзѣ съ «прогрессивными» силами Польши,—ведетъ яростную кампанію, напряженный массовый натискъ на польское еврейство, встрѣчая несочувствіе и даже противодѣйствіе лишь на крайне-лѣвомъ и отчасти на крайне-правомъ флангахъ, въ настоящее время, повидимому, мало вліятельныхъ. Борьба провозглашается и проповѣдуется въ печати, въ обществахъ, съ думской трибуны; осуществляется, гдѣ и какъ только возможно; пріобрѣтаетъ столь широкое распространеніе и глубокій напоръ, что должна быть признана перешедшей въ разрядъ подлинныхъ національныхъ войнъ.

Ближайшимъ образомъ эта борьба, разумѣется, затрагиваетъ насъ, евреевъ, и съ нашей сто-

---

[1]) «Современникъ», Августъ, 1913 г. (2-ая глава статьи значительно дополнена въ настоящемъ изданіи).

роны требуетъ самозащиты и противодѣйствія. Но думается, что она должна серьезно заинтересовать и всѣхъ, кому дороги идеи справедливости и культуры, а также и тѣхъ, кого озабочиваютъ условія и факторы грядущаго развитія россійской государственности.

1.

Основной руководящій мотивъ польскаго національнзма тотъ же, что и всякаго вообще агрессивнаго національнзма: Польша для одной только польской національности. Но въ Польшѣ искони живутъ и другіе народы; особенно многочисленъ среди нихъ—еврейскій; значитъ, нужно вытѣснить евреевъ изъ Польши. Но такъ какъ, осѣвши тамъ въ теченіе столѣтій, они не собираются оттуда исчезнуть, то надо вытѣснить ихъ насильственно, а пока-что сдѣлать имъ существованіе невозможнымъ, закрыть всѣ пути, не допустить до вліянія или участія въ судьбахъ страны, уничтожить формы самостоятельной жизни,—вести противъ нихъ національный походъ.

Не только съ помощью пушекъ и ружей ведутся современныя національныя войны. Стратегія экономической борьбы, правовыхъ и бытовыхъ ограниченій, культурнаго оттѣсненія — замѣняетъ войсковыя передвиженія и атаки: разоренные, выброшенные изъ колеи, насильственно придавленные на низшій культурный уровень—замѣняютъ убитыхъ и раненыхъ; эмигранты становятся на мѣсто отступающихъ и бѣглецовъ. Сбросить съ занимаемаго мѣста, причинить бѣдствія, нанести

возможно большій уронъ—таковы цѣли и этой войны.

По двумъ главнымъ линіямъ можетъ вообще развертываться такая война. Либо самый строй общества такъ предустановленно организуется, чтобы сковывать данную націю—въ настоящемъ случаѣ евреевъ—въ гибельномъ для нея положеніи; это достигается путемъ правовыхъ ограниченій. Либо фактическимъ использованіемъ власти и вліянія не даютъ націи развернуть свои силы и цѣнности, оттѣсняютъ отъ культуры и благосостоянія. Среди народовъ европейской культуры въ настоящее время по первому пути двигаются только Россія и Румынія; второй путь остается протореннымъ и въ иныхъ странахъ. Польскій націонализмъ двигается также по обоимъ путямъ.

Однако, путь правовыхъ ограниченій ему непосредственно недоступенъ, ибо, не обладая государственной самостоятельностью, поляки не могутъ создавать своего права. Казалось бы, къ тому же, что въ Россіи, гдѣ значительная часть государственнаго творчества уходитъ спеціально на правовыя ограниченія евреевъ, польскій націонализмъ могъ быть вполнѣ удовлетворенъ этою «общегосударственной» дѣятельностью; на самомъ же дѣлѣ, онъ не только не ограничивается поддержкой правительства, но и самъ по собственному почину толкаетъ его дальше по этому пути. Такъ польскіе депутаты активно проводили ограниченія евреевъ въ законопроектѣ о городовомъ самоуправленіи въ Польшѣ. Въ официальной декларацiи, сдѣланной еще въ 3-ьей Думѣ депутатомъ Яронскимъ, польское коло опредѣленно и публично высказалось за необходимость ограни-

ченій, безъ обиняковъ мотивируя ихъ національными соображеніями [1]). Оно даже отъ себя предлагало норму этого ограниченія и энергично вело соотвѣтствующую политику, изобиловавшую характернѣйшими инцидентами, какъ въ комиссіи [2]), такъ и въ думскомъ пленумѣ.

Смыслъ этого ограниченія для польскаго націонализма—совершенно ясенъ: въ странѣ, въ которой идетъ непреклонная борьба одной части населенія противъ другой, распорядительство мѣстными интересами (въ предѣлахъ, разумѣется, чиновничьей опеки) передается всецѣло и безраздѣльно одной сторонѣ,—именно, польскимъ состоятельнымъ верхамъ, получающимъ такимъ образомъ могущественное орудіе для своей мѣстной политики. Понятно, въ какой мѣрѣ этотъ ограничительный законъ (устраняющій вмѣстѣ съ евреями и польскую демократію) оказался выгоденъ польскимъ руководящимъ кругамъ, и съ какою страстностью они за него ухватились.

Однако, польскимъ націоналистамъ мало тѣхъ ограниченій евреевъ, на которыя согласно и русское правительство, и они обращаются къ нему съ ходатайствомъ о новыхъ,—какъ это имѣло мѣсто въ нашумѣвшемъ случаѣ ходатайства варшавскаго кредитнаго общества. При этомъ они заходятъ въ своемъ ограничительномъ рвеніи такъ далеко, что даже русскія центральныя учрежденія не могутъ за ними угнаться и отвѣчаютъ на ихъ просьбу отказомъ.

Итакъ, подобно Россіи и Румыніи, польскій

---

[1]) См. выше статью «Польское коло, евреи и Россійская Имперія», гл. II.

[2]) См. ниже замѣтку «Тактика польскихъ депутатовъ».

національнизмъ ведетъ политику правового угнетенія; но вѣдь въ отличіе отъ Россіи и Румыніи онъ не обладаетъ властною силою,—онъ и самъ безвластенъ и даже угнетенъ. Поэтому его политика ограниченія не есть злоупотребленіе собственной мощью, а только стремленіе злоупотребить мощью чужой; не столько насиліе, какъ науськиваніе на насиліе. Притомъ это науськиваніе обращено къ той силѣ, отъ которой и сами поляки испытываютъ гнетъ и ограниченія; которой они сопротивляются, аппелируя къ идеямъ права, гуманности, братства народовъ. Съ двумя противоположными требованіями и съ двумя противоположными мотивировками одновременно обращаются польскіе націоналисты къ русской государственности: съ требованіемъ во имя права и справедливости устранить ограниченія (направленныя на поляковъ) и съ требованіями въ нарушеніе права и справедливости создавать ограниченія (для евреевъ). Классическій, незабываемый примѣръ этого сочетанія дала третья Дума, когда въ ней вперемежку обсуждался вопросъ объ отторженіи Холмщины и о городовомъ положеніи въ Польшѣ[1]). То же зрѣлище повторилось и въ 4-ой Думѣ. Здѣсь коло не только голосовало за ограниченія, оно еще и приняло мѣры гильотинировать рѣчи въ защиту равенства и права[2]). И вмѣстѣ съ тѣмъ въ преніяхъ по внутренней политикѣ его представитель деп. Лэмпицкій не стыдился пылко ораторствовать: «Въ каждомъ благоустроенномъ государствѣ»,—цитирую его слова по отчету «Рѣчи»,—«инопле-

---

[1]) См. выше ст. «Польское коло и пр.», гл. III.

[2]) См. ниже замѣтку «Къ характеристикѣ польскаго коло», 4.

менниковъ стараются поставить въ такія условія, чтобы для нихъ принадлежность къ данному государству была благомъ». И дальше онъ укорялъ правительство: «Объединеніе окраинъ съ центромъ понимается правительствомъ, какъ неумолимая борьба со всѣми національными особенностями, какъ искорененіе того, что составляетъ священное достояніе народа, искорененіе языка, культуры, вѣры. Въ первую голову идутъ поляки»... (О языкѣ евреевъ въ самоуправленіи городовъ, гдѣ большинство евреи,—коло и слушать не хотѣло даже еще и во 2-ой Думѣ) [1]). И даже самъ Гарусевичъ, гордо, съ презрительнымъ сарказмомъ обрушившійся 12 іюня на «величественную доктрину» оппозиціи—то была, доктрина права и государственности,—жалобно, но, повидимому, безъ краски стыда, аппелировалъ къ той же доктринѣ, сопротивляясь 22 іюня проведенію Холмскаго законопроекта.

Характерно, что если въ 3-ьей Думѣ польское коло еще дало возможность представителю русскаго націонализма, епископу Евлогію, язвительно уличать поляковъ въ двойной игрѣ, то на этотъ разъ ни одинъ депутатъ не счелъ нужнымъ даже для проформы возразить представителю польскаго націонализма. И въ самомъ дѣлѣ, стоитъ ли разоблачать лицемѣріе, само себя непрерывно разоблачающее; стоитъ ли укорять людей въ предательствѣ принципамъ, къ которымъ сами же взываютъ, когда это предательство становится системой; стоитъ ли прислушиваться къ патетическимъ тирадамъ политиковъ, словамъ которыхъ все рав-

---

[1]) Ср. ниже замѣтку: «Коло и національныя права».

но не приходится довѣрять. И стоитъ ли даже стыдить представителей угнетенной націи, не только въ свою очередь угнетающихъ другую, но еще и науськивающихъ на это своихъ собственныхъ угнетателей. Нѣтъ, на послѣднюю рѣчь Гарусевича никому не было нужды возражать.

Установленіе правовыхъ ограниченій составляетъ, однако, только часть той всесторонней борьбы, которую польскій націонализмъ ведетъ противъ евреевъ, и которая доходитъ до вниманія русской публики лишь въ своихъ наиболѣе внѣшне-яркихъ проявленіяхъ, именно—экономическаго бойкота.

Экономическій бойкотъ не осуществимъ келейно, личными давленіями, кабинетными переговорами, а только—путемъ массоваго напора; онъ требуетъ, слѣдовательно, публичной пропаганды, агитаціи, всестороннаго шума. Не допустить еврея врачемъ въ больницу, редакторомъ въ газету, управляющимъ на заводъ или въ банкъ, или даже просто не принять на работу,—для этого достаточно при соотвѣтствующемъ предрасположеніи лишь кое-какихъ закулисныхъ переговоровъ. Не пустить неопредѣленнаго заказчика-потребителя, покупателя заказать у еврея пару сапогъ или купить провизію (когда это, вдобавокъ, выгодно потребителю, покупателю), для этого нужна всенародная—именно, на потребителя—агитація. Вотъ почему экономическій бойкотъ евреевъ поляками привлекъ вниманіе и внѣ Польши. На самомъ же дѣлѣ онъ составляетъ лишь часть противоеврейскаго движенія.

Достаточно изъ другихъ его областей отмѣтить, что поляки во всѣ три первыя Думы не про-

пустили ни одного депутата-еврея, хотя до измѣненія избирательнаго закона Польша имѣла 34 депутата, а послѣ измѣненія—12; евреи же составляютъ приблизительно 1/7 часть населенія Польши. При выборахъ въ 4-ую Думу, евреи получили самостоятельное большинство въ двухъ главныхъ городахъ Польши—Варшавѣ и Лодзи; въ одномъ изъ нихъ они провели своего, еврейскаго, представителя, въ Варшавѣ же рѣшили голосовать за поляка, при условіи, чтобы онъ только не высказывался за ограниченіе евреевъ; и такъ какъ таковымъ среди кандидатовъ оказался только выборщикъ отъ рабочихъ, они и отдали ему свои голоса, что вызвало бурю возмущенія въ лагерѣ польскаго національзма.

Относительно другого полюса общественности—незамѣтной жизни еле перебивающихся тружениковъ—и въ русской печати появлялись сообщенія о ходатайствахъ, предъявленныхъ администраціи (русской администраціи) со стороны польскаго населенія различныхъ глухихъ угловъ,—частью, какъ сообщалось, по наущенію одного изъ депутатовъ, члена польскаго коло,—ходатайствахъ о выселеніи мѣстныхъ евреевъ. Отъ выборовъ въ Гос. Думу черезъ дѣятельность общественныхъ организацій и до выселенія нѣсколькихъ ремесленниковъ и купцовъ—кампанія противъ евреевъ проходитъ по всѣмъ слоямъ, и даже по всѣмъ возрастамъ, проникая въ отношенія врачей и пацієнтовъ, и въ отношенія школьниковъ между собой, сѣя ненависть и злобу въ сердца взрослыхъ и дѣтей.

При такомъ ея масштабѣ и напряженіи не трудно представить себѣ, въ какія формы выливается

эта борьба, а въ частности экономическій бойкотъ. Здѣсь, разумѣется, не останавливаются на общей проповѣди поддержки польскихъ и бойкотированія еврейскихъ фирмъ, ремесленниковъ, торговцевъ; не останавливаются на организаціи поддержки полякамъ. Бойкотисты берутся за задачу вплотную,—они вмѣшиваются въ личныя отношенія, производятъ частный сыскъ, кто кому долженъ, кто съ кѣмъ о чемъ договорился, выносятъ на улицу личныя дѣла и отношенія, опубликовываютъ списки фирмъ и лицъ, которыхъ подвергаютъ бойкоту, или которымъ бойкотомъ угрожаютъ въ случаѣ неисполненія какихъ-либо требованій; ведутъ газетную кампанію противъ отдѣльныхъ лицъ, заставляя ихъ публично отчитываться за свои знакомства и покупки (такъ, велась даже газетная кампанія противъ поляка, заказавшаго карточки у еврея-фотографа). Частная жизнь становится публичнымъ достояніемъ, предметомъ публичнаго обсужденія, газетнаго террора. Оскорбленіями и угрозами преслѣдуютъ ослушниковъ бойкотистскихъ велѣній.

Со столбцовъ уличныхъ листковъ оскорбленія и угрозы переходятъ въ дѣло,—въ уличное дѣло. У еврейскихъ магазиновъ собираются бойкотисты и принуждаютъ обходить ихъ. Проповѣдь бойкота становится травлей цѣлаго народа и отдѣльныхъ лицъ. Старые служащіе-евреи выбрасываются польскими фирмами на улицу, потому что они евреи,—при побѣдномъ ликованіи бойкотистскихъ газетъ. Каждое разореніе ремесленника или купца, на котораго ведется правильная осада, привѣтствуется, какъ польская національная побѣда, какъ занятая «позиція».

Въ результатѣ такого нападенія—въ польскую публику внѣдряются, культивируются, раздуваются злобныя чувства, ослѣпленная ненависть, страсть уничтожить, разорить, унизить. И въ этой атмосферѣ естественно выростаетъ озорство, расцвѣтаетъ человѣконенавистничество, которое достигло своего апогея (пока) въ Велюнскомъ и Моджеевскомъ поджогахъ евреевъ, гдѣ среди сожженнаго имущества погибли и люди. Одинъ поджогъ былъ совершенъ, повидимому, изъ личной мести, другой—изъ озорства; но характерно въ обоихъ случаяхъ то, какъ натравленное противъ евреевъ населеніе, проявило враждебность, оставаясь безучастнымъ зрителемъ тяжелаго несчастія еврейскихъ семей; борьба же съ пожаромъ происходила (въ Моджеевѣ) при помощи русскихъ таможенныхъ чиновниковъ и перешедшихъ границу пожарныхъ обществъ сосѣднихъ прусскихъ городковъ. Такъ, систематическая политика польскаго національнизма не только разрушаетъ основные устои права и культуры, но и подрываетъ самую основу гражданскаго общежитія.

Польскій національнизмъ не можетъ отрицать этого вывода, но онъ могъ бы отвергнуть тотъ приговоръ, который въ немъ заключается.

Вѣдь человѣчность, культурность, гражданственность примѣняемы тамъ, гдѣ существуетъ замиренное общество, государство. Но современная культура еще не сумѣла установить замиреннаго общежитія между всѣми народами; она знаетъ, признаетъ и войну между ними, войну, въ которой отмѣняются нормы мирнаго общества, въ которой

люди на законномъ основаніи другъ друга убиваютъ, ранятъ, разоряютъ. То, что происходитъ въ Польшѣ—съ точки зрѣнія правового гражданскаго общества—есть варварство; но къ чему «сантиментальничать», — почему польскому націонализму не примѣнить точки зрѣнія войны! Сербія, Грецiя воевали во имя своихъ жизненныхъ интересовъ, не имѣетъ ли и польская нація права воевать во имя своихъ? У поляковъ нѣтъ своего государства, войска; но что-жъ съ того: какъ революціи происходятъ теперь не только съ помощью баррикадъ, но и путемъ забастовокъ, такъ и война можетъ обойтись безъ крѣпостей и пулеметовъ.

Но и въ качествѣ войны происходящее въ Польшѣ подлежитъ тяжелому осужденію. Вѣдь и въ войнѣ моменты права получаютъ постепенно все большее значеніе. Когда-то война двухъ народовъ сводилась къ ихъ взаимному истребленію. Позже внѣдряется сознаніе, что народъ наноситъ удары вооруженнымъ, организованнымъ силамъ враждебнаго народа, а не отдѣльнымъ лицамъ; что жизнь, честь и имущество отдѣльнаго человѣка должны быть охраняемы, поскольку ихъ уничтоженіе не есть результатъ организуемой борьбы организованныхъ силъ одного народа съ организованными же силами другого. И то, что раньше было законной войной, становится звѣрствомъ, вызываетъ возмущеніе и стыдъ.

И именно, на эту плоскость «звѣрства» опускается кампанія польскаго націонализма. Дѣло здѣсь не въ убитыхъ, раненыхъ, искалѣченныхъ физически, ибо и война вѣдь ведется не ружьями и пушками. Но по различнымъ путямъ, по кото-

рымъ она ведется, она въ значительной степени становится организованнымъ подстрекательствомъ къ нападеніямъ на отдѣльныхъ беззащитныхъ и незащищающихся лицъ. Польскій націонализмъ нарушаетъ не только нормы общественности, но даже и идею войны, какъ она выработана современнымъ сознаніемъ [1]).

2.

Война подлежитъ оцѣнкѣ, однако, не только съ точки зрѣнія тѣхъ пріемовъ, которыми ведется, но еще и тѣхъ цѣлей, во имя которыхъ предпринята,—ибо бываютъ вѣдь войны священныя, освободительныя, и войны—разбойничьи. Каковы же мотивы польскаго націонализма въ его борьбѣ противъ евреевъ?

Обыкновенно указываютъ на два мотива—экономическій и національный. Первый заключается въ томъ, что польская нація хочетъ создать свою національную буржуазію, а для этого должна вытѣснить буржуазію еврейскую. Но такъ какъ никто не утверждаетъ, что еврейская буржуазія плохо исполняетъ свою роль буржуазіи, то ясно, что центръ тяжести въ желаніи имѣть *національно-польскую* буржуазію въ Польшѣ, а не въ желаніи имѣть въ Польшѣ—*буржуазію*. Помимо этого совершенно ясно, что не о созиданіи вообще этнически-польской буржуазіи можетъ идти рѣчь, ибо таковая, разумѣется, уже и существуетъ, а объ усиленіи ея, точнѣе даже—о предоставленіи ей исключительнаго, монопольнаго положенія; между

[1]) Это было написано до современной европейской войны.

тѣмъ экономически здоровое усиленіе буржуазіи Польши не можетъ опираться на разореніе обширныхъ буржуазныхъ же—именно, еврейскихъ—слоевъ мѣстнаго населенія. Такимъ образомъ, мотивъ вытѣсненія евреевъ оказывается *экономическимъ* не для страны, не для Польши, а только для тѣхъ польскихъ круговъ, которые именно и хотятъ забрать для себя, въ своихъ личныхъ интересахъ, буржуазныя позиціи. Въ качествѣ экономическаго—это личный, групповой мотивъ нѣкотораго слоя польскаго общества, совершенно подобно тому, какъ и у другихъ народовъ одною изъ причинъ войны являются захватныя поползновенія той или иной кучки, или слоя дѣльцовъ. Въ такомъ мотивѣ приходится усмотрѣть отнюдь не экономическій, а всецѣло корыстный стимулъ борьбы.

Въ національномъ же своемъ аспектѣ этотъ мотивъ означаетъ, что польская нація, создавая свою національную буржуазію, вытѣсняетъ еврейство, принимавшее существенное участіе въ осуществленіи въ Польшѣ этой функціи въ теченіе столѣтій. Ибо еврейство не отняло у поляковъ функціи городского населенія, оно въ теченіе столѣтій ихъ исполняло; оно не захватило польскихъ городовъ, а участвовало въ ихъ созиданіи. Польскій народъ распадался преимущественно на верхніе классы шляхты и духовенства, и низшіе—крестьянства, слабѣе всего занялъ онъ соціальную середину; здѣсь то и скопились вѣками евреи, также и нѣмцы. Еврейство составляло органическую часть польской государственности (сохраняя и свою признанную религіозно-національную особность). Еврейскія позиціи суть по-

зиціи исторически созданныя; кампанія польскаго націонализма направлена на отобраніе исконныхъ позицій, пріобрѣтенныхъ въ длительномъ историческомъ сотрудничествѣ съ націей польской, и захватчикомъ является въ этой борьбѣ не евреи, а польскій націонализмъ.

За послѣднія десятилѣтія въ Польшѣ заново укрѣпилось не мало нѣмцевъ; десятки тысячъ евреевъ (поляки утверждаютъ, что—до 200 тысячъ) переселились туда же изъ внутреннихъ русскихъ губерній; и тѣ, и другіе принадлежатъ преимущественно къ среднимъ городскимъ классамъ; и тѣ, и другіе нашли себѣ мѣсто въ Польшѣ не путемъ вытѣсненія кого-либо, а путемъ созданія новыхъ отраслей промышленности, вызвавшихъ громадный ростъ городовъ, путемъ открытія новыхъ рынковъ. Польскій же націонализмъ, какъ оказывается, творчествомъ не отличается, иниціативы и производительной работы у него мало. Вмѣсто того, чтобы—по примѣру нѣмцевъ и пришлыхъ евреевъ («литваковъ»)—создавать для своего мѣщанства новыя отрасли приложенія силъ, онъ предпочитаетъ отнимать то, что создано другими. Его политика не созиданія, а присвоенія. Я не стану касаться вопроса о разорительности для страны такого національно-слѣпого своекорыстія; но ужъ во всякомъ случаѣ, священнаго и освободительнаго въ немъ нѣтъ ничего.

Помимо экономическаго есть, однако, и мотивъ чисто національный. Евреи, какъ оказывается, не растворяются поляками, не обезличиваются, претендуютъ на сохраненіе и развитіе собственной на-

родности. Это—та самая претензія, которую и къ полякамъ предъявляютъ прусскіе и русскіе націоналисты, и которую поляки отвергаютъ съ справедливымъ негодованіемъ. Но для польскаго націонализма только полякъ вправѣ оставаться самимъ собой,—еврей же подлежитъ за это искорененію.

При этомъ, одновременно польскіе націоналисты предъявляютъ евреямъ и противоположную претензію, и притомъ даже двѣ, между собой противорѣчивыя. Еврейство обвиняется въ томъ, что является проводникомъ русской культуры (въ лицѣ пришлыхъ изъ Россіи «литваковъ»), и что еврейство (въ случаѣ завоеванія Польши Германіей?) окажется проводникомъ культуры германской, такъ какъ языкъ еврейскаго населенія—«жаргонъ»—германскаго корня.

Самая противорѣчивость этихъ обвиненій и несогласованность обоихъ съ третьимъ—обвиненіемъ въ націонализаціи, которая вѣдь ужъ во всякомъ случаѣ должна бы отвести евреевъ отъ какихъ либо «руссификаторскихъ» и тѣмъ болѣе отъ предположительныхъ «германизаторскихъ» поползновеній, обнаруживаетъ поверхностность всѣхъ обвиненій вмѣстѣ взятыхъ. Если бы они выставлялись серьезно, то серьезно бы намѣтилась и политика польскаго противодѣйствія. А именно, во первыхъ, путемъ стремленія сдѣлать для евреевъ привлекательной, увеличить вербующую силу польской культуры, не отталкивать, а привлекать къ ней; и во вторыхъ и главнымъ образомъ, путемъ содѣйствія самостоятельному росту мѣстной культуры еврейской, національной; ибо, конечно, закрѣпленіе въ самой Польшѣ

еврейской духовной жизни лучше всего парализовало бы центробѣжныя культурныя тяготѣнія польскихъ евреевъ.

Но менѣе всего свойственно польскому національному какого бы то ни было рода положительная программа для еврейскаго вопроса. Мало того, мысль объ еврейской самостоятельно-народной жизни наполняетъ его особеннымъ негодованіемъ,—ибо нѣтъ мѣста надъ Вислой для двухъ народовъ. Польскій націонализмъ неспособенъ видѣть и признавать въ чужомъ народѣ, живущемъ въ Польшѣ, самостоятельную коллективную особь; онъ по первобытному усматриваетъ въ немъ только подозрительно чуждаго, враждебно-отчужденнаго; и принимая самъ мѣры сугубаго враждебнаго отчужденія, преслѣдованія—онъ въ каждомъ явленіи заподазриваетъ и въ другомъ народѣ враждебную злокозненность.

Въ этомъ отношеніи интересно остановиться на ожесточенныхъ нападкахъ, которымъ подверглись въ Польшѣ пришлые изъ Россіи евреи, по большей части выселенные изъ-за черты осѣдлости и переселившіеся преимущественно въ Варшаву и Лодзь. Число ихъ остается доселѣ неустановленнымъ; польскіе націоналисты предполагаютъ, что оно доходитъ до 200 тысячъ, нѣкоторые еврейскіе статистики насчитываютъ лишь нѣсколько десятковъ тысячъ; какъ бы то ни было, дѣло не въ ихъ числѣ, а въ существѣ предъявляемыхъ къ нимъ обвиненій. Въ общей формѣ это—обвиненіе въ руссифицированіи края, которое, какъ выше было отмѣчено, сочетается съ обвиненіемъ въ національзированіи евреевъ. Оставимъ въ сторонѣ ту крайнюю—по меньшей мѣрѣ—странность, ко-

торая позволяетъ переносить вражду къ «литвакамъ» на все еврейское населеніе Польши, ужъ во всякомъ случаѣ не руссифицирующее и не руссифицированное, и остановимся только на существѣ дѣла.

Самое обвиненіе приходится выслушивать въ двухъ варіантахъ. Основной заключается въ томъ, что евреи-«литваки» создаютъ въ Польшѣ русскую общественную стихію, русскую публику—читателей русскихъ газетъ, русскихъ книгъ, зрителей для русскаго театра, слушателей для русскихъ лекцій и концертовъ, пользующихся русской рѣчью въ личной или общественной жизни, на улицахъ и въ кафэ. До появленія «литваковъ» русскій языкъ былъ только языкомъ оффиціальнымъ, административнымъ, полицейскимъ, навязываемымъ въ школахъ, но въ обществѣ не находившимъ для себя никакой жизненной поддержки, никакой живой опоры. Съ появленіемъ же евреевъ, выходцевъ изъ Россіи, получилась и въ обществѣ встрѣчная стихія, естественнымъ путемъ, безъ искусственнаго насажденія, поддерживающая русскую культуру; и тѣмъ самымъ-де получается и органическая опора въ Польшѣ для доселѣ чуждой русской государственности. Таково основное обвиненіе. Евреевъ, конечно, ужъ никакъ невозможно обвинять въ томъ, чтобы они насильственно, принудительно насаждали русскую культуру, ибо они представляютъ изъ себя безвластный общественный элементъ; они не чиновники, не профессора, не учителя. Нельзя обвинять ихъ и въ томъ, что они ставятъ себѣ цѣлью руссифицировать край, ибо они пріѣхали не отъ правительства, не для службы, не изъ вражды къ по-

лякамъ, а пріѣхали, выгнанные изъ насиженныхъ мѣстъ, подъ давленіемъ преслѣдованій, въ поискахъ куска хлѣба. Значитъ, вмѣняется евреямъ не злая воля руссифицировать край, а самый фактъ ихъ естественной жизнедѣятельности. Претензія къ нимъ заключается въ томъ, что они не превращаются сразу въ поляковъ, не забываютъ русскаго языка, элементовъ русской культуры, подъ вліяніемъ которыхъ выросли,—т. е., что это люди съ устойчивой моральной личностью, а не жалкіе флюгеры. Пріѣхавъ въ Польшу, они не смѣютъ говорить на своемъ привычномъ языкѣ (между прочимъ, чаще всего, вѣроятно, и не зная никакого другого), должны бросить привычную газету и журналъ, не смѣютъ обрадоваться пріѣзду любимыхъ гастролеровъ. Требованія, предъявляемыя къ евреямъ, заключаются въ томъ, чтобы ихъ души были пусты, безъ культурныхъ привязанностей, безъ содержанія; или же, если въ нихъ что нибудь уже и написано, то все же, чтобы они были подобны грифельной доскѣ, съ которой губкой легко стереть начертанное, замѣнивъ чѣмъ придется новымъ. Достаточно только ясно формулировать предъявляемую евреямъ претензію, чтобы понять всю ея чудовищность. Польскій націонализмъ даже не выставляетъ программы ополяченія пріѣхавшихъ русскихъ евреевъ, а просто требуетъ, чтобы они обернулись по щучьему велѣнію въ поляковъ, и обрушивается на нихъ даже и не за то, что они русскіе евреи, а за то, что они люди съ психикой, а не съ грифельной доской, что они люди, а не картонныя маріонетки, подпись подъ которыми можно вмигъ замѣнить подписью на новомъ языкѣ. Сапоговъ еще «литваки» изно-

сить не успѣли, а польскій національнизмъ пристаетъ уже къ нимъ съ ножемъ къ горлу, какъ это они еще не износили своего духовнаго міра.

Разумѣется, вполнѣ прогрессивнымъ полякамъ труднѣе поддерживать обвиненіе въ такомъ видѣ, и изъ этой среды выставляется нѣкоторый его варіантъ. Пришлые-де евреи нарочно ведутъ себя вызывающе, нарочно громко говорятъ на улицахъ по-русски, въ гостиницахъ, въ кафэ демонстративно заявляютъ свои требованія на русскомъ языкѣ, парадируютъ имъ съ цѣлью задѣть наболѣвшее чувство поляковъ. Пришлые русскіе евреи нарочито-де оскорбляютъ поляковъ русскимъ языкомъ.

Не трудно понять, въ какой мѣрѣ такой варіантъ, выставляемый въ сколько нибудь обобщенной формѣ, носитъ явные признаки сочиненности. Всякій, кому случалось сталкиваться съ бывшими выселенцами изъ внутренней Россіи въ города Царства Польскаго, вѣроятно, имѣлъ случай наблюдать, какъ быстро они старались научиться, или даже научились, польскому языку,— и притомъ не только молодежь, но и люди уже зрѣлые. И понятно, почему иначе и быть не могло. Менѣе всего у этихъ людей въ общей ихъ массѣ сердце могло лежать къ вызывающимъ или раздражающимъ сосѣдей поступкамъ. Они пріѣхали въ Польшу не побѣдителями, и не представителями побѣдителей, и не насадителями закона побѣдителей, а пріѣхали изгнанниками, согнанными съ насиженныхъ мѣстъ, отъ привычной работы; они пріѣхали не обезпеченными рентами или казенными службами людьми, а въ массѣ своей—полуразоренными, выброшенными изъ налаженной дѣ-

ловой колеи, съ необходимостью заново, на новомъ мѣстѣ, въ новой средѣ строить свое благосостояніе. И ясно, что предстоявшія хозяйственныя работы и заботы для большинства изъ нихъ находились такъ или иначе въ тѣснѣйшей зависимости отъ среды, отъ отношенія ея и къ ней. И слѣдовательно, ясно, что у этихъ изгнанниковъ, начинавшихъ сначала жизненную работу, не могло быть, en masse, охоты вести себя вызывающе на мѣстахъ своего новаго поселенія; но, что—помимо всего прочаго—уже желѣзная необходимость борьбы за элементарное существованіе должна была властно диктовать большинству среди нихъ стремленіе приспособиться къ средѣ, стремленіе избѣжать затрудняющихъ треній, стремленіе сглаживать возникающія противодѣйствія.

Сомнѣній нѣтъ въ томъ, что громадное большинство ихъ (если не всѣ) пріѣзжало безъ знанія польскаго языка, и уже поэтому пользовалось—и не могло не пользоваться—языкомъ русскимъ. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что они на улицахъ и въ кафе говорили, какъ умѣли, т. е. по-русски; и весьма вѣроятно, что въ дѣловомъ азартѣ говорили громко, и даже, можетъ быть, иной разъ и кричали на этомъ языкѣ. Также вполнѣ естественно, что выселенные изъ городовъ внутренней Россіи, они принесли съ собою привычки своей родины и—подобно большинству изгнанниковъ—съ особой привязанностью за нихъ держались. Можно представить себѣ, что это могло раздражать наболѣвшія чувства поляковъ, не провѣренныя и не сдержанныя критической оглядкой. Можно, разумѣется, apriori и на всякій случай допустить и то, что бывали случаи, когда кто либо изъ пришлыхъ

евреевъ держалъ себя вызывающе или оскорбительно по отношенію къ своимъ сосѣдямъ, къ ихъ нравамъ или языку; но чтобы такія явленія выходили за предѣлы болѣе или менѣе анекдотическихъ случайностей,—въ это едва-ли повѣритъ кто либо, способный хладнокровно и безпристрастно вдуматься въ положеніе пришельцевъ.

Какъ бы то ни было, именно отъ людей прогрессивныхъ можно было бы ожидать, что они войдутъ въ положеніе невольныхъ пришельцевъ, объяснятъ своимъ согражданамъ раздражающія тѣхъ явленія,—а, именно, что люди говорятъ на томъ языкѣ, которымъ владѣютъ, и живутъ въ томъ укладѣ, въ которомъ выросли. Можно было бы отъ людей прогрессивныхъ ожидать, и даже требовать,—что они научатъ своихъ сограждан во всякомъ случаѣ не обобщать отдѣльныхъ, всег-да возможныхъ эксцессовъ, отдѣльныхъ вызывающихъ или оскорбительныхъ поступковъ на всю пришлую массу, а ужъ заодно и на все мѣстное еврейство. Вмѣсто этого слишкомъ часто прогрессивные поляки не только объясняютъ, но и обосновываютъ, т. е. уже и оправдываютъ, антиеврейскую кампанію появленіемъ «литваковъ», ихъ руссификаторствомъ. И обвиненіе «литваковъ» въ допущенныхъ ими яко-бы эксцессахъ неразрывно сплетается съ обвиненіемъ ихъ въ томъ, что они не мѣняютъ своего культурнаго уклада, своего языка, своихъ симпатій, какъ поношенную одежду.

Насколько обвиненіе въ руссификаторствѣ не только принципіально недопустимо, но и фактически необосновано, подтверждается еще доба-

вочно (если бы въ этомъ была необходимость) тѣмъ, что оно неразрывно сплетается съ другимъ обвиненіемъ—въ національзаціи, въ «жаргонизаціи» еврейской массы. Эти обвиненія взаимно противорѣчивы, но думается, именно въ ихъ сочетаніи можно нащупать подлинное основаніе ненависти польскихъ націоналистовъ къ пришлымъ изъ Россіи евреямъ. Въ полномъ объемѣ выяснить этотъ вопросъ значило бы далеко выйти за предѣлы темы настоящей статьи; я ограничусь нѣсколькими бѣглыми, частичными замѣчаніями.

Дѣло въ томъ, что въ силу историческихъ условій развитія польской культуры она должна была выростать въ тонахъ напряженнѣйшаго этническаго націонализма (въ отличіе, напр., отъ передовыхъ струй русской культуры, окрашенныхъ—въ противовѣсъ господствующей государственности—въ тона демократизма, человѣколюбія, общаго народолюбія). Въ связи съ этимъ тѣ еврейскіе слои, которые въ Польшѣ пріобщались европеизму, т. е. воспитывались въ культурѣ окружающаго польскаго народа,—всецѣло поглощались національно-этническимъ полонизмомъ, всецѣло и сами уходили въ польскій этническій націонализмъ, а слѣд. совершенно уходили отъ своего еврейскаго народа, отъ его духовнаго міра. Между ними—«поляками Моисеева закона»—и еврейскимъ народомъ получался непроходимый разрывъ: еврейская масса Польши жила безъ своей интеллигенціи, была культурно обезглавлена. Для польской интеллигенціи (и ополяченной еврейской) она въ общемъ не была и объектомъ воздѣйствія, хотя жила въ большихъ массахъ бокъ-о-бокъ. Столѣтія назадъ еврейскій на-

родъ, являясь органической составной частью населенія Польши, сохранялъ и свою культурную, бытовую—даже правовую въ нѣкоторыхъ предѣлахъ—самостоятельность, жилъ своей содержательной религіозно-національной жизнью, въ которую не вмѣшивались и которою не интересовались поляки. Съ тѣхъ поръ прошли вѣка притѣсненій; происходили государственные и культурные перевороты; современность смѣнила средневѣковье. А польская еврейская масса принижалась угнетеніемъ; духовная жизнь въ ней, задавливаемой и оттѣсняемой, застаивалась и замирала; ея активныя силы покидали Польшу или выцѣживались въ этнически-польскій бассейнъ. Отсталая и забитая, она оставалась на давно превзойденномъ другими уровнѣ. Польскіе руководящіе культурные слои—конечно, за выдающимися, но скорѣе частными и временными исключеніями—съ нею мало считались; пренебрегали ею, какъ въ силу своей всецѣлой поглощенности этническимъ полонизмомъ, такъ и въ силу наросшихъ вѣковыхъ традицій шляхетскаго презрѣнія къ еврейству. Конечно, къ этому привходили и иные специфическіе внутренне-культурные моменты еврейской отсталости въ Польшѣ, связанные съ прошлымъ Польши и польскаго еврейства. Такимъ образомъ и получилось то явленіе, что еврейская масса въ странахъ польской культуры представляетъ совершенно опредѣленное отличіе отъ еврейства въ другихъ европейскихъ странахъ, являясь наиболѣе отсталой, забитой его частью; что она лишена своей интеллигенціи, своего культурнаго авангарда, всецѣло поглощеннаго полонизмомъ.

Иначе развилось еврейство на Литвѣ. Здѣсь не мѣсто обстоятельнѣе развить его характеристику; отмѣчу только, что по многимъ причинамъ внутренне-еврейской культурной жизни, но отчасти и благодаря раннимъ воздѣйствіямъ германской культуры, проводниками которой были нѣмецкіе и курляндскіе евреи, а также и благодаря позднѣйшимъ воздѣйствіямъ духа передовой русской интеллигенціи, народнической и общегуманной,— еврейская интеллигенція въ Россіи никогда такъ полно не отрывалась отъ массы; и позже—полнѣе вернулась къ народу, къ своему народу; да и сама масса меньше отстала отъ своихъ культурныхъ авангардовъ. Контактъ между ними непрерывно сохранялся и въ послѣднее время сталъ все усиливаться. И вотъ, когда русскіе евреи появились въ Польшѣ, съ ними пришла и новая струя еврейской жизни. Появился еврейскій слой, включавшій въ себя нѣкоторую долю интеллигенціи и полуинтеллигенціи, нисколько не связанный съ польской культурой и не чурающійся еврейской массы. Дѣло не въ томъ, что бы эти пришельцы стали руссифицировать Польшу, или «жаргонизировать» еврейство; дѣло въ томъ, что оставаясь въ еврейскомъ коллективѣ, они его восполнили нѣкоторымъ современно-просвѣщеннымъ слоемъ. Точнѣе сказать: та немногочисленная рабочая и «національная» еврейская молодая интеллигенція, которая, конечно, накапливалась и въ самой Польшѣ, получила въ нихъ неожиданную подмогу; создались кадры для болѣе быстраго ея роста. Вѣроятно, въ большихъ центрахъ, въ Варшавѣ, повѣяло новымъ духомъ, почувствовалось, что что то измѣняется или, пожалуй, только еще

можетъ измѣниться. А, именно, почувствовалось, что еврейская масса можетъ перестать быть забитой, культурно-обезглавленной, культурно ничтожной, почти безсловесной въ общественной жизни; что помимо своей ополяченной части,—отъ нея отрывающейся, чтобы потонуть въ полонизмѣ, — она получаетъ (или еще только можетъ получить, но уже получить можетъ) свой культурный оплотъ; можетъ получить собственный голосъ, можетъ вновь общественно и культурно проявить свое лицо, свою коллективную жизнь.

И польскій націонализмъ всполошился: не можетъ быть двухъ народовъ надъ Вислой. Но вѣдь эти два народа вѣками жили надъ ней. Да, но одинъ изъ нихъ, еврейскій, удерживался во тьмѣ своеобразнаго средневѣковья; къ нему можно было относиться не какъ къ народу, а вродѣ какъ къ безличному человѣческому стаду, какъ къ qualité negligeable,—ибо теряя въ полонизмѣ свою интеллигенцію, онъ, какъ таковой, не могъ выбраться изъ своего «средневѣковья». А здѣсь появились признаки этой возможности. Эта возможность, надо думать, стала бы осуществляться и сама по себѣ; но русскіе евреи явились ея наглядными носителями, придали ей добрую дозу плоти и крови. На нихъ и обрушилась ненависть за то, что они будто руссификаторы, и націоналисты; и ненависть къ нимъ сплелась съ враждой ко всему еврейству, проявляющемуся, или хотя бы только въ будущемъ могущему вновь проявиться, не какъ безсловесная масса, а какъ современно-сознательный народный коллективъ.

Прошло время, когда можно было просто не

считаться съ еврействомъ, не замѣчать, пренебрегать имъ; конечно, оно-то и всегда чувствовало себя въ своемъ отсталомъ безсиліи народомъ, но вотъ оно и общественно проявится, заговоритъ, какъ народъ,—и польскій національнзмъ обрушился, пошелъ на него войною. Онъ, который свои польскія національныя позиціи, общественныя силы -считаетъ вполнѣ законнымъ (и въ этомъ онъ правъ) организованно отстаивать, да даже и активно продвигать и внѣ польскихъ областей, въ Литвѣ и на Украйнѣ, онъ у себя въ Польшѣ ополчился противъ людей, которые, нисколько поляковъ не денаціонализируя, только сохраняютъ и осуществляютъ свою собственную культурную физіономію.

Въ этой двойной мѣрѣ и заключается существо претензій польскаго національнзма. Евреи въ Польшѣ суть евреи, а не поляки, не хотятъ и не могутъ отречься отъ своей народности, т. е: поступаютъ такъ же, какъ и сами поляки. Но отстаивая свою народную жизнь, польскіе національнсты силятся уничтожить чужую; и не видя возможности (да въ сущности и не ища ея) достичь этого путемъ ополяченія, осуществляютъ эту цѣль путемъ прямого вытѣсненія. Они дѣлаютъ приблизительно то же, что по отношенію къ полякамъ дѣлаютъ нѣмецкіе гакатисты, или русскіе національнсты, не больше ихъ—въ сущности же и еще меньше—стѣсняясь въ выборѣ доступныхъ средствъ. И этимъ сами подписываютъ себѣ окончательный моральный приговоръ. Освободительная задача—на сторонѣ евреевъ, отстаивающихъ свое народное существованіе и культурную индивидуальность безъ агрессивности по отношенію къ кому бы то ни было. На сто-

ронѣ польскаго національнзма, отрекающагося примѣнительно къ нимъ отъ тѣхъ принциповъ, на которые онъ претендуетъ въ отношеніи къ себѣ—лишь корыстно-національстическое насильничаніе.

Однако, есть здѣсь одна черта, которая еще требуетъ выясненія. Польскій національзмъ проводитъ различіе между правами своего народа и правами народа еврейскаго. Онъ-де у себя дома, Польша его исконная страна, евреи же въ ней чужаки; поэтому, считая Польшу исключительно и всецѣло принадлежащей польской націи, онъ за евреями отрицаетъ національныя права. На самомъ дѣлѣ, и эта точка зрѣнія историческихъ правъ—ни въ какой степени не выдерживаетъ критики.

Какой, въ самомъ дѣлѣ, необходимъ промежутокъ времени, чтобы можно было за данной націей признать исторически пріобрѣтенными права на національное существованіе на данной территоріи? Нужно-ли ей непремѣнно просуществовать тамъ тысячу лѣтъ, или достаточно, напр., и шести съ половиной столѣтій, которыя имѣетъ за собой еврейство въ Польшѣ (впрочемъ, первыя извѣстія объ евреяхъ въ Польшѣ относятся еще къ XII в.). При этомъ столѣтіями проживало еврейство въ Польшѣ въ значительныхъ массахъ, входило органической частью, санкціонированной правомъ, въ строй польскаго государства, и входило, какъ внутренне-цѣльный, религіозно-національно компактный, организованный коллективъ съ собственнымъ бытомъ, культурой, правомъ. Недостаточно-ли такой многовѣковой жизни куль-

турно-народнаго коллектива въ органической связи съ цѣлымъ польскаго государства—для пріобрѣтенія историческихъ правъ.

Впрочемъ, права народовъ имѣютъ свою подлинную опору не въ исторической давности, а въ реальности живой народной жизни и творчества. Не прошлымъ народа, а его настоящимъ и зрѣющимъ будущимъ обосновываются его требованія и права. Этой народной жизни—польскому націонализму не отнять отъ евреевъ, а потому поднятая имъ кампанія есть борьба въ такой же степени противъ историческихъ правъ, какъ и противъ правъ жизни, противъ свободы народнаго развитія. Словомъ, и по цѣли своей борьба такая же насильническая, какъ и по методамъ, которыми она ведется.

3.

Походъ польскаго націонализма противъ еврейства въ первую голову, разумѣется, касается насъ, евреевъ, и съ нашей стороны требуетъ организованной самозащиты. Но какъ и всякая война, онъ неизбѣжно долженъ остановить на себѣ вниманіе и постороннихъ, ею непосредственно незатронутыхъ, хотя и неизбѣжно заинтересованныхъ коллективовъ.

Страннымъ образомъ поляки этого ни за что не хотятъ признать, и противъ всякой попытки третьихъ лицъ или группъ—впрочемъ, только прогрессивнаго направленія,—заинтересоваться польско-еврейскими дѣлами, неизмѣнно выдвигаютъ свой запретъ. Идея автономіи, по ихъ мнѣнію, требуетъ, чтобы признающіе ее не вмѣшивались въ ихъ внутреннюю расправу съ евреями.

Нетрудно выяснить всю несостятельность этой претензіи, какъ это и было весьма убѣдительно сдѣлано В. А. Мякотинымъ въ недавней его рѣчи на одномъ изъ засѣданій юридическаго собранія. Въ самомъ дѣлѣ, культурное сознаніе современности давно уже разрушило перегородки, освобождавшія народъ отъ контроля и воздѣйствія другъ на друга. Общественное мнѣніе культурныхъ странъ слѣдитъ и высказывается относительно всего, что происходитъ по всему бѣлому свѣту, не останавливаясь не только передъ желаемой автономіей, но даже и передъ дѣйствительнымъ суверенитетомъ. На армянскія избіенія въ Турціи, на еврейскіе погромы въ Россіи, на балканскія звѣрства, на процессы Дрейфуса и Фереро, на каждый актъ неправды откликался весь цивилизованный міръ. Недаромъ, напр., и въ войны суверенныхъ балканскихъ народовъ, въ той или иной степени, все время происходитъ вмѣшательство; и если слышны нареканія, то—за его недостаточность, а никакъ не за избыточность.

И поистинѣ было бы странно, если бы почему-то одна Польша составила исключеніе; и претензія на это исключеніе опирается на дѣлѣ не на идею автономіи, которая вся лежитъ въ демократическомъ будущемъ человѣчества, а на идею шляхетскаго самоуправства, не позволяющаго сосѣду заглянуть въ тѣ темныя дѣла, которыя онъ продѣлываетъ со своей дворней.

И особенно странно именно отъ поляковъ слышать о недопустимости вмѣшательства во внутреннія дѣла Польши, между тѣмъ, какъ именно они искони аппелировали къ общественному мнѣнію Европы, къ ея вмѣшательству противъ рус-

ского угнетенія. Да и помимо этого длительнаго историческаго факта, развѣ, напр., еще недавно польское коло австрійскаго парламента официальными резолюціями и заявленіями не направляло своихъ стрѣлъ черезъ границу германской имперіи въ защиту своихъ соплеменниковъ?

Но вѣдь и внѣ этихъ общекультурныхъ соображеній необходимо отмѣтить и другія, которыхъ не коснулся В. А. Мякотинъ. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ забыть, что Польша составляетъ (даже и согласно идеѣ автономіи) часть Россійской Имперіи; и все, что происходитъ въ одной—и не малой—части государства, не можетъ не затрагивать всего государства, не можетъ не вызвать съ его стороны и со стороны различныхъ его факторовъ интереса и вмѣшательства. Едва-ли въ интересахъ государства допускать войну въ своихъ предѣлахъ; если въ Польшѣ создается воинственная атмосфера ненависти и преслѣдованія, проникающая во всѣ поры жизни, если въ Польшѣ широкіе слои подвергаются разоренію, несомнѣнно грозящему тяжелыми экономическими послѣдствіями для всего края, то несомнѣнно, дѣло государства, его сознательныхъ силъ—позаботиться объ общегосударственныхъ интересахъ права и культуры. Дѣло здѣсь не только въ совѣтахъ, въ моральномъ давленіи, но также и въ мѣрахъ государственнаго порядка—въ законодательствѣ и политикѣ. Ибо въ вопросахъ, касающихся цѣлаго государства, не только вправѣ все государство и вмѣшиваться, но это еще и обязанность его.

Къ тому же, автономіи фактически пока вовсе и нѣтъ, а вмѣшательство государства—вѣрнѣе сказать, общность государственной жизни—не

только непрерывно осуществляется, но и осуществляется, призывается самими поляками. Въ отличіе отъ финляндцевъ, они доселѣ не строятъ своей фактической политики на принципѣ государственной отъединенности отъ Россіи, на идеѣ независимаго законодательства, администраціи и пр., -ибо совершенно отлично отъ финскаго—ихъ фактическое положеніе. Принимая неизбѣжное участіе въ общерусской государственной жизни, они тѣмъ самымъ вмѣшиваются, совершаютъ интервенцію —въ общерусскія, да и частно-русскія государственныя дѣла. Деп. Янушкевичъ ставилъ имъ на видъ, что даже, именно, ихъ голосами приняты касавшіеся русскаго крестьянства законы. Не отказываясь отъ вліянія и даже отъ рѣшающаго вліянія, на внутреннія русскія дѣла, они тѣмъ самымъ явно подписываютъ приговоръ своимъ претензіямъ на невмѣшательство въ дѣла внутренне-польскія : не можетъ же Польша быть болѣе автономной отъ Россіи, нежели Россія отъ Польши.

Но мало того, что поляки производятъ интервенцію въ русскія дѣла,—они и сами, когда это имъ выгодно, призываютъ совершенно опредѣленно русскихъ къ интервенціи въ тѣ самыя польско-еврейскія отношенія, противъ вмѣшательства въ которыя они въ другихъ случаяхъ съ такою настойчивостью протестуютъ. В. А. Мякотинъ упоминалъ про обращенія польскихъ бойкотистовъ къ русскимъ и нѣмецкимъ купцамъ -присоединиться къ бойкоту евреевъ. Это еще частные поступки, а вотъ и официальные акты. При проведеніи въ Гос. Думѣ законопроекта о городовомъ самоуправленіи въ Польшѣ, ограничивающаго права

евреевъ, поляки не брезгуютъ обращаться къ правому блоку за содѣйствіемъ, такъ же, какъ они не брезгуютъ обращаться къ русской администраціи съ ходатайствами о выселеніи евреевъ; а по отношенію къ участію евреевъ въ варшавскомъ кредитномъ обществѣ не остановились даже передъ обращеніемъ къ центральному правительству объ интервенціи въ польско-еврейскія отношенія—съ цѣлью ввести для евреевъ новыя ограниченія. Правительство, повидимому, отказалось отъ этой интервенціи, но поляки-то о ней ходатайствовали, позабывъ на этотъ разъ объ автономіи. Очевидно, вмѣшательство правыхъ, правительства—не есть интервенціи; интервенція—это только, когда оппозиція подымаетъ свой голосъ; идея автономіи годится только противъ прогрессивной мысли, а не противъ реакціоннаго воздѣйствія, и считаться съ ней обязательно для русской оппозиціи, но нисколько не для самихъ поляковъ.

Недавно передъ выборами въ 4-ую Гос. Думу произошелъ инцидентъ, который съ убійственной ясностью проявилъ слѣпо-лицемѣрную позицію польскаго націонализма въ вопросѣ о вмѣшательствѣ. Передъ варшавскими выборами Милюковъ обратился къ варшавскимъ евреямъ-выборщикамъ (во всероссійскую Думу), съ совѣтомъ голосовать за неантисемитическаго поляка. Петербургскій польскій избирательный комитетъ постановилъ въ связи съ этимъ предложить избирателямъ-полякамъ голосовать противъ Милюкова на петербургскихъ выборахъ—въ видѣ репрессалій за этотъ совѣтъ, который онъ, комитетъ, провозгласилъ вмѣшательствомъ во внутренне-польскія дѣла, нарушеніемъ автономіи. И это провозглашеніе было

сдѣлано въ томъ самомъ актѣ, которымъ польскій комитетъ по мотивамъ польско-національнымъ производилъ вѣдь тоже вмѣшательство въ выборы петербургскіе. Опредѣлять судьбу петербургскихъ выборовъ, такъ же, какъ и судьбу русскаго крестьянства—польскій націонализмъ считаетъ себя вправѣ. Онъ считаетъ себя вправѣ призывать октябристовъ, правыхъ, правительство на помощь—для расправы съ польскими евреями. Но когда люди прогресса подымаютъ свой голосъ противъ его политики угнетенія, тогда онъ становится въ гордую позицію, подъ лозунгомъ автономіи выставляя требованіе, чтобы ему не мѣшали насильничать и своевольно попирать принципы правового общежитія.

Но напрасно было бы тратить слова укоризны по адресу польскаго націонализма, напрасно было бы уличать его въ нарушеніи высокихъ принциповъ общественности и культуры, или хотя бы минимальныхъ правилъ войны. Ибо совершенно сознательно и откровенно онъ, преслѣдуя поставленныя себѣ цѣли, ни съ чѣмъ, кромѣ успѣха въ нихъ, считаться не хочетъ,—и всякія идеи и принципы признаетъ только тогда, когда это ему выгодно. И вотъ, на территоріи Польши онъ поднялъ жестокую войну противъ еврейства, чреватую послѣдствіями не только для участниковъ борьбы, но въ нѣкоторой степени и для всего государства.

Для насъ, евреевъ, здѣсь не можетъ быть мѣста колебаніямъ; на нападеніе надо отвѣтить самозащитой: этого требуетъ не только угроза нашему существованію, но и достоинство народа.

Защищая себя, мы отстаиваемъ общую всѣмъ народамъ почву права и культуры,—мы дѣлаемъ въ этомъ углу міра, въ этой части Россіи общее человѣчеству дѣло справедливости и прогресса. Несомнѣнно силенъ польскій націонализмъ, сильнѣе и организованнѣе еврейства; и несомнѣнно, что бездну зла онъ способенъ намъ принести и уже приноситъ. Тѣмъ не менѣе, въ конецъ разбить народъ (а такова его задача), народъ энергичный, старой духовной культуры, сознающій свою правоту—ему, несомнѣнно, окажется не подъ силу. Собственное самоотстаиваніе поляковъ должно было бы послужить имъ предостереженіемъ въ нападеніи на другихъ.

Я отнюдь не хочу этимъ сказать, чтобы вѣрилъ въ непремѣнное торжество права надъ силой. Конечно, сила ломитъ право; но для этого она должна быть властной, да и достигаетъ этого дорогой для себя цѣной. Власти-же государственно организованной у польскаго націонализма въ Россіи нѣтъ; и тѣмъ дороже ему обходится его борьба съ правомъ, ибо ставитъ его въ фальшивое, морально и политически неказистое положеніе—вести политику силы помощью не силы, а лицемѣрія.

Еще болѣе дорогой является эта цѣна для Польши, ибо только величайшее легкомысліе и близорукость могутъ считать, что разорять одну седьмую часть населенія страны,—притомъ принимающую дѣятельнѣйшее участіе въ созиданіи ея благосостоянія,—не значитъ наносить удары всей странѣ. Трудно думать, что экономическій и моральный вредъ, наносимый польской же націи походомъ польскаго націонализма противъ евреевъ,

не будетъ постепенно отрезвлять кое-кого изъ нынѣ принимающихъ въ немъ участіе. Нѣтъ также основаній не вѣрить и въ то, что будутъ въ Польшѣ ослабляться клерикально-шляхетскія вліянія и возростать вѣсъ и значеніе сознательной демократіи — рабочей и нарождающейся крестьянской,—для которой мирное сожительство народовъ будетъ не предметомъ отвращенія, а сознательно признанной правдой.

Наконецъ, на первое мѣсто въ смыслѣ шансовъ конечнаго пораженія польскаго національнизма я бы поставилъ воздѣйствіе демократій остальныхъ народовъ, населяющихъ Россію, не участвующихъ непосредственно въ этой борьбѣ. Уже изъ- программныхъ принциповъ и идей демократіи и свободы должно послѣдовать это воздѣйствіе. Но его требуютъ и вѣрно понятые политическіе и государственные интересы россійскихъ демократовъ,—ибо, дѣйствительно, одного изъ крупныхъ вопросовъ россійской государственности непосредственно касается польско-еврейская борьба. Сегодня польскій національнизмъ въ союзѣ съ всероссійской реакціей хочетъ задавить евреевъ; завтра будетъ очередь за литовцами или украинцами; въ другомъ мѣстѣ нѣмецкій агрессивный національнизмъ давитъ латышей или эстовъ; еще въ другомъ мѣстѣ молдаванскій—или какой-либо другой,—который, опираясь на русскую реакцію и тѣмъ поддерживая ее, будетъ побѣждать своихъ инородныхъ сосѣдей. Такую перспективу картели насильническихъ національнизмовъ съ русской реакціей открываетъ походъ на евреевъ; подѣлившись между собой добычей, они легко примирятся съ нѣкоторыми неудобствами своего союза,

и закрѣпятъ всероссійскій гнетъ въ обмѣнъ на право своего мѣстнаго—въ свою пользу—угнетенія.

Противъ такого плана россійской государственности можетъ быть выставленъ только одинъ противоположный: съ картелью угнетающихъ націонализмовъ можетъ бороться только кооперація свободныхъ народовъ, содружно защищающихъ общія основы права и культуры, на которыхъ свободное развитіе одного не препятствуетъ свободно жить и другимъ. Совмѣстная борьба противъ угнетающихъ націонализмовъ становится общимъ интересомъ освобождающихся народовъ. И, въ частности,—парализовать наступленіе націонализма польскаго, значитъ выбить еще одну опору и угрозу общероссійскаго гнета, значитъ, содѣйствовать прогрессу всей Россіи.

Поэтому, какъ бы ни было угрожающе-тяжко положеніе еврейства, я считаю, что защита имъ своихъ интересовъ и правъ не только для него неизбѣжна и обязательна, но и не лишена серьезныхъ шансовъ на конечный успѣхъ,—ибо это шансы свободы въ Россіи.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ ПОЛЬСКАГО КОЛО.

(Замѣтки).

I. Коло и національныя права [1]).

(Во 2-й Государственной Думѣ).

На этихъ дняхъ опубликованъ въ газетахъ законопроектъ объ автономіи Польши, внесенный въ Государственную Думу депутатами польскаго коло, въ большинствѣ своемъ принадлежащими къ народово-демократической партіи. Отнюдь не ставя себѣ цѣлью разобрать этотъ законопроектъ во всемъ его объемѣ, оставляя въ сторонѣ вопросъ объ осуществимости автономіи при настоящихъ условіяхъ, я хотѣлъ бы въ настоящей замѣткѣ только освѣтить частный вопросъ,—какъ національная партія Польши понимаетъ національный вопросъ.

Польскій народъ много десятилѣтій жилъ въ напряженіи тяжелой борьбы за свою національность, борьбы, спорадически достигавшей про-

[1]) Апрѣль, 1907 г.

явленій глубокаго трагизма; его активные элементы неустанно вели трудную и неблагодарную работу поддержанія и созиданія національныхъ цѣнностей при политическихъ и полицейскихъ условіяхъ, всецѣло приспособленныхъ къ ихъ полному уничтоженію. Цѣною собственныхъ переживаній—страданій и борьбы—польская интеллигенція и народъ должны были выковать въ себѣ глубокое цѣненіе національныхъ чувствъ и правъ вообще, бережное отношеніе къ національному достоинству не только своему, но и всякаго другого народа. Каково же отношеніе партіи, присвоившей себѣ привиллегію на защиту именно *національныхъ* интересовъ? Чѣмъ руководится она въ бо́льшей степени: выстраданной ли въ борьбѣ національной справедливостью, или взращеннымъ національнымъ эгоизмомъ? Съ первыхъ же своихъ шаговъ въ Государственной Думѣ, уже въ осторожно и сдержанно составленномъ законопроектѣ объ автономіи, она нарушаетъ національные интересы и права значительной части польскаго населенія, и притомъ такой части—и только такой,—которая не имѣетъ непосредственныхъ, сильныхъ защитниковъ въ остальномъ Россійскомъ Государствѣ,—именно, населенія еврейскаго.

Въ самомъ дѣлѣ, въ § 19 законопроекта объ автономіи Польши мы читаемъ: «въ уставахъ, опредѣляющихъ внутреннее устройство Царства Польскаго, будутъ обезпечены права языка литовскаго и малорусскаго населенія въ судебныхъ, административныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ и въ казенныхъ и общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ». Объ языкѣ еврейскаго населенія мы не находимъ упоминанія, между тѣмъ какъ оно

составляетъ свыше 14% всего населенія Царства Польскаго, 40% его городского населенія, причемъ по отдѣльнымъ губерніямъ превышаетъ половину всего городского населенія (губерніи Сѣдлецкая, Сувалкская, Ломжинская, Радомская); при этомъ еврейское населеніе Ц. П., судя по даннымъ переписи 1897 г., приблизительно въ четыре раза превышаетъ какъ малорусское, такъ и литовское населеніе.

Правда, польское коло придерживается, видимо, того мнѣнія, что у еврейскаго народа нѣтъ своего языка, по крайней мѣрѣ лидеръ народово-демократической партіи, г. Дмовскій «спокойно подтвердилъ» сотруднику «Рѣчи» (№ 86), что онъ не считаетъ «жаргонъ» за языкъ, на что этотъ послѣдній замѣтилъ ему совершенно ошибочно: «Но вѣдь это аргументъ филологическій, а не политическій». Увы, въ данномъ мѣстѣ это аргументъ именно и только политическій. Споръ филологическій разрѣшается не въ политикѣ и не въ законопроектахъ, а въ академіяхъ, въ наукѣ, въ литературѣ, въ жизни. Вопросъ для политика стоитъ не такъ, языкъ ли жаргонъ, или нѣтъ. Вопросъ стоитъ иначе: имѣется народъ, составляющій 14% всего населенія Польши, живущій на этой территоріи много сотенъ лѣтъ, живущій своимъ во многихъ отношеніяхъ отличнымъ отъ поляковъ бытомъ, имѣющій свою культурную традицію, и хотя—по мнѣнію г. Дмовскаго—и не имѣющій своего языка, тѣмъ не менѣе въ значительной своей массѣ пользующійся этимъ не-языкомъ въ своемъ обиходѣ, въ жизни. Будетъ ли этому народу предоставлено «въ судебныхъ, административныхъ, общественныхъ учрежденіяхъ» изъяс-

няться на привычномъ и доступномъ ему языкѣ,—или же въ виду филологическихъ взглядовъ г. Дмовскаго это ему будетъ запрещено; у мирового судьи или, примѣрно,—въ канцеляріи городской думы города, гдѣ евреевъ больше, чѣмъ поляковъ, будутъ ли допускаться объясненія или бумаги на родномъ большинству населенія языкѣ; будутъ ли, примѣрно, въ городахъ, гдѣ на два польскихъ ребенка имѣются три еврейскихъ, устроены школы съ преподаваніемъ на языкѣ, понятномъ этимъ тремъ пятымъ дѣтей,—или для еврейскихъ дѣтей такихъ школъ устроено не будетъ, какъ въ старой Россіи ихъ не было и для польскихъ дѣтей. И, словомъ, предполагаетъ ли нар.-дем. партія и въ автономной Польшѣ подвергнуть милліонное населеніе національнымъ стѣсненіямъ и ограниченіямъ.

Авторы законопроекта въ пунктѣ о гарантіи языковъ вполнѣ правильно написали: «обезпечены права языка литовскаго и малорусскаго населенія», а не: «обезпечены права литовскаго и малорусскаго языка». Эта постановка вполнѣ правильная, ибо политика, законы имѣютъ дѣло не съ языками, не съ культурной ихъ самоцѣнностью, а съ населеніемъ, съ культурными правами населенія. И въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ слѣдовало обезпечить и права—не жаргона, а языка еврейскаго населенія, какимъ бы онъ ни былъ. Поскольку еврейское населеніе Польши признало бы своимъ языкомъ польскій—эта формула была бы отнесена къ польскому языку и тѣмъ самымъ, какъ самостоятельная — отпала бы. Поскольку иные евреи признали бы своимъ русскій языкъ (вспомнимъ, что въ Польшѣ имѣется опредѣлен-

ное число еврейскихъ семействъ, выселившихся туда изъ центра Россіи, въ особенности изъ Москвы),—надо было бы обезпечить соотвѣтственно права русскаго языка; поскольку признается жаргонъ—обезпечить его права. Ясно, что эти соображенія относятся къ азбукѣ демократизма, вытекаютъ изъ элементарныхъ требованій національной справедливости, народныхъ интересовъ. И если народово-демократическая партія этого не признаетъ по отношенію къ еврейскому населенію, то не обнаруживаетъ-ли это и сомнительность ея демократизма и недоброкачественность ея національныхъ идей. Если же при этомъ она обходитъ національныя права лишь еврейскаго населенія, то не внушаетъ-ли это подозрѣній, что ея отношеніе въ другихъ случаяхъ есть лишь пріемъ captatio benevolentiae сильныхъ міра сего, отъ которыхъ она зависитъ, а не принципіальное демократическое рѣшеніе вопроса; не обнаруживаетъ ли она чрезмѣрной исключительности голаго учета силъ тамъ, гдѣ польскій народъ боролся упорно за право и справедливость?

Впрочемъ, дѣло здѣсь не только въ справедливости, но и въ правильномъ пониманіи и осуществленіи насущныхъ общенародныхъ интересовъ. Съ этой точки зрѣнія—государству подобаетъ равно относиться ко всѣмъ культурамъ, языкамъ, находящимся въ его предѣлахъ, стремясь одинаково пользоваться ими для осуществленія своихъ функцій, и одинаково содѣйствовать имъ средствами, находящимися въ его—государства—распоряженіи. Это, разумѣется, не устранитъ борьбы культуръ и языковъ между собой, соревновенія, вытѣсненія болѣе сильными—соціально и духов-

но—болѣе слабыхъ, побѣды и пораженія; но при невмѣшательствѣ государства эта борьба, эта богатая, полная захватывающаго интереса жизнь будетъ происходить культурными же путями, созиданіемъ положительныхъ цѣнностей, овладѣніемъ сознаніемъ людей, борьбой за ихъ вниманіе, за наилучшее удовлетвореніе ихъ духовныхъ и соціальныхъ интересовъ,—а не мѣрами государственнаго принужденія и насилія. Государство, примѣняя мѣры правового принужденія (уже не говоря о насиліи произвола), конечно, не встрѣчаетъ со стороны національныхъ культуръ сопротивленія этимъ же оружіемъ,—котораго онѣ лишены. Но національная культура обладаетъ другой—психической—мощью спаиванія людей для сопротивленія государственному принужденію; сама, искажаемая и обезпложиваемая государственнымъ угнетеніемъ, она въ борьбѣ съ государствомъ наноситъ ему не менѣе чувствительные, хотя и неосязаемые, удары, расшатываетъ его и обезсиливаетъ.

Народово-демократическая партія не боится политико-національной борьбы; она, видимо, не остановится передъ примѣненіемъ мѣръ государственнаго принужденія, и готовится даже къ нимъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, въ ст. 20 законопроекта, говорится о томъ, что «общія гарантіи гражданской и политической свободы, установленныя общегосударственнымъ законодательствомъ, распространяются на Ц. П.», но ничего не говорится о распространеніи на Ц. П. и тѣхъ гарантій національной свободы, за проведеніе которыхъ въ общегосударственныхъ органахъ законодательства, вѣроятно, будетъ стоять и наро-

дово-демократическая польская партія. Конечно, и онѣ подлежатъ, какъ и политическія и гражданскія гарантіи, расширенію мѣстнымъ законодательствомъ; но что въ видѣ *минимума* и національныя гарантіи, которыя могутъ быть установлены для Россіи, точно также какъ и демократическій избирательный законъ въ органы мѣстнаго самоуправленія, подлежатъ распространенію и на всѣ автономныя области, въ данномъ случаѣ — на Польшу (съ правомъ расширенія, но не суженія этихъ гарантій),—едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію для сколько-нибудь передовыхъ партій Россіи.

Несомнѣнно, что внесеніе такихъ гарантій въ законопроектъ объ автономіи Польши не можетъ не соотвѣтствовать какъ требованіямъ передовыхъ польскихъ партій [1]), такъ и вообще убѣжденіямъ широкихъ польскихъ массъ; оно можетъ лишь цѣлесообразно содѣйствовать національно-содружному мирному развитію автономной Польши, устраняя губительную внутреннюю національно-политическую борьбу. Да и народово-демократической партіи слѣдовало-бы признать ихъ цѣлесообразность, ибо, вѣдь на собственномъ опытѣ она дала яркій примѣръ того, какъ упорно народы отстаиваютъ свое достоинство и права, когда ихъ отрицаютъ или стремятся искоренить опирающіеся на силу угнетатели.

И, наконецъ, если не государственная дально-

---

[1]) За восемь лѣтъ, протекшихъ со времени напечатанія этой замѣтки, пришлось отказаться отъ этого взгляда, какъ—къ сожалѣнью—приходится усумниться и въ нѣкоторыхъ другихъ оптимистическихъ замѣчаніяхъ, разбросанныхъ въ предыдущихъ статьяхъ.

видность, то уже тактическая ловкость должна была подсказать народово-демократической партіи, что, еще не выйдя изъ положенія, національно-угнетенной, ей не сподручно ковать оружіе для національнаго угнетенія.

II. Тактика польскихъ депутатовъ [1]).

(Въ 3-ьей Государственной Думѣ).

Хитро поступаетъ польское коло. Въ комиссіи по городскому самоуправленію ограниченіе евреевъ какъ въ количествѣ гласныхъ въ городскомъ самоуправленіи Царства Польскаго, такъ и при выборахъ на городскія должности, благодаря воздержанію отъ голосованія представителей польскаго коло принято большинствомъ одного голоса. Монтвилъ ушелъ передъ голосованіемъ, Грабскій воздержался. Это было очень тонко и деликатно, ибо не могутъ же поляки ограничивать кого либо въ правахъ; это-же не соотвѣтствуетъ ихъ традиціямъ. Даже когда совѣщаніе польскихъ общественныхъ дѣятелей высказалось за ограниченіе, оно такъ только высказалось, но никого не обязало соотвѣтственно поступать. И Грабскій не обязанъ соотвѣтственно поступать, и Монтвилъ не обязанъ уйти. Они только, повидимому, растерялись, не знаютъ какъ быть. У нихъ нѣтъ собственнаго мнѣнія и они предоставляютъ русскимъ рѣшать вопросъ. Рѣшайте, молъ, какъ знаете, а наша хата въ польскихъ городахъ—съ края, вы хозяева, вы и распоряжайтесь. Правда, голоса бы-

---

[1]) «Еврейскій Міръ», № 30, 1910 г.

ли всѣ заранѣе на учетѣ, и воздерживаясь, поляки рѣшали вопросъ совершенно такъ же, какъ если бы голосовали за ограниченіе. Но въ этомъ вѣдь и тонкость—голосовать, не голосуя. Какъ будто воздерживаются, а рѣшаютъ, какъ будто ихъ нѣтъ, а они-то и опредѣляютъ исходъ голосованія. Хитро дѣйствуютъ польскіе депутаты. И если лицемѣріе считать политикой,—то прекрасные политики сидятъ въ польскомъ коло.

И все же плохіе они политики. Сперва разгласили на цѣлый міръ, что они хватаются за ту плеть ограниченія, которою доселѣ хлещетъ и ихъ народъ-завоеватель. Затѣмъ спохватились и заявили, что это имъ только желательно, но не обязательно. И, наконецъ, при рѣшеніи вопроса въ комиссіи подсчитали голоса и, найдя, что и безъ нихъ все обстоитъ благополучно, сдѣлали жестъ умыванія рукъ. Жестъ-то они сдѣлали, ибо уклонились отъ голосованія, но рукъ не умыли, ибо только благодаря ихъ воздержанію и прошло ограниченіе. Какъ знать, будь большинство *за* ограниченіе на нѣсколько голосовъ больше, они, пожалуй, — въ полной безопасности — голосовали бы *противъ*; то-то было бы тонко. И быть можетъ, намъ еще предстоитъ созерцать это зрѣлище въ пленумѣ Государственной Думы [1]).

Хорошіе-ли или плохіе они политики, но въ

---

[1]) Я не чувствую охоты радоваться тому, что въ 1910 г. предугадалъ образъ дѣйствій польскаго коло въ 1913 г. (см. ниже замѣтку: «Невинность и капиталъ»),—слишкомъ ужъ не хитра психологія этихъ политиковъ. Но я считаю небезполезнымъ подчеркнуть теперь заднимъ числомъ прозрачность ихъ мотивовъ дающую столь вѣрную почву для столь легкихъ пророчествъ. *Г. Л.*

государственные люди во всякомъ случаѣ не годятся. У себя на родинѣ они возстанавливаютъ противъ своего народа милліонное еврейское населеніе, подготавливая жестокую культурно-экономическую междоусобицу—ибо, разумѣется, и они не разсчитываютъ, чтобы народъ такой старой и стойкой культуры, какъ еврейскій, можно было бы уничтожить безъ дальнихъ словъ. Въ Россіи они ухитряются охлаждать тѣ старинныя и столь тугоподатливыя симпатіи, которыя питало къ нимъ на почвѣ славянскаго племеннаго чувства и идей гуманности и свободолюбія передовое русское общество. Конечно, они могутъ быть спокойны, что справедливыя требованія польскаго народа всегда найдутъ откликъ и поддержку прогрессивной Россіи. Но, быть можетъ, прогрессивная Россія замѣтитъ, что не всѣ требованія польскихъ политиковъ справедливы, и она захочетъ сохранить за собой общій основной контроль надъ ними. Она какъ и раньше, какъ и всегда, будетъ согласна на автономію, но захочетъ-ли она, чтобы гуманный, освобождающій актъ русскаго народа сталъ основаніемъ для угнетенія въ Польшѣ. Освобожденіе, такъ освобожденіе, равноправіе, такъ равноправіе,—и она захочетъ обезпечить и то, и другое, сохранить контроль за ихъ соблюденіемъ. Автономія, но—подконтрольная. И, быть можетъ, сильнѣе чѣмъ раньше, или во всякомъ случаѣ съ новымъ добавочнымъ основаніемъ она сознаетъ необходимость подчиненія и автономной Польши единой Россіи. Въ сущности таковъ смыслъ уже высказанной И. И. Пентрукевичемъ статьею въ «Рѣчи» точки зрѣнія. И не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что по мѣрѣ развертыванія польской по-

литики—эта точка зрѣнія будетъ ширится и крѣпнуть. А иностранные политическіе дѣятели, пока еще, кажется, только соціалисты, но уже и французы—у которыхъ любовь къ Польшѣ старая національная традиція—начинаютъ давать добрые совѣты воздерживаться отъ человѣконенавистничества и реакціи.

Нѣтъ, поистинѣ неумѣлые у поляковъ государственные дѣятели...

III. Поправка деп. Грабскаго [1]).

(Въ 3-ьей Государственной Думѣ).

5 декабря въ Государственной Думѣ обсуждалась поправка депутата Грабскаго къ законопроекту о городскомъ самоуправленіи въ Царствѣ Польскомъ.

Между тѣмъ какъ коло (въ полномъ единеніи со своимъ другомъ-врагомъ, епископомъ Евлогіемъ—другомъ въ отношеніяхъ къ евреямъ, врагомъ въ отношеніяхъ къ полякамъ)—принципіально высказывается и голосуетъ за ограниченіе еврейскаго представительства въ городскомъ самоуправленіи, депутатъ Грабскій выставляетъ предложеніе, имѣющее какъ бы нѣкую либеральную видимость. Какъ сообщали газеты, оно предназначалось «смягчить» отвратительное впечатлѣніе, произведенное политикой коло. Поправка отвергнута, но съ сожалѣніемъ приходится отмѣтить, что нѣкоторое, ни на чемъ не основанное, смягчающее впечатлѣніе она, повидимому, произ-

[1]) Декабрь, 1911 г.

вела, ибо соблазнила оппозицію поддерживать ее—впрочемъ, въ прихорашивающемъ истолкованіи, данномъ ей депутатомъ Бабянскимъ. Это и создаетъ необходимость вернуться къ ней съ цѣлью разоблачить ея истинную сущность.

Поправка заключается въ предоставленіи каждой куріи городскихъ избирателей избирать своими представителями и лицъ изъ другихъ курій, — полякамъ избирать евреевъ, евреямъ — поляковъ. Сама по себѣ, взятая внѣ времени и пространства, поправка вполнѣ либеральна, ибо чѣмъ меньше ограниченій пассивнаго избирательнаго права, тѣмъ лучше. Только дѣло въ томъ, что она была предназначена дополнить законопроектъ, построенный на сплошныхъ ограниченіяхъ. А, къ сожалѣнію, и ограниченія обязываютъ. Весьма, напримѣръ, либерально предоставить человѣку свободу передвиженія. Но если предварительно связать его по рукамъ и ногамъ и только потомъ дать право передвиженія, то это будетъ называться не либерализмомъ, а издѣвательствомъ.

Но и не во имя либерализма вообще была внесена эта поправка, а—какъ истолковалъ свое дополненіе къ ней депутатъ Бабянскій—въ видѣ примиряющаго элемента, чуть ли не на благо еврейства. Этимъ-де путемъ можетъ оказаться нѣсколько расширеннымъ ущербленное представительство евреевъ. Посмотримъ, насколько правильно такое толкованіе.

Ограниченіе еврейской куріи заключается въ томъ, что она имѣетъ право избирать не больше одной пятой (или, гдѣ евреевъ меньшинство среди городскихъ жителей—одной десятой) общаго

числа гласныхъ. Поправка депутата Грабскаго (съ дополненіемъ деп. Бабянскаго) предоставляетъ польской куріи въ случаѣ, если это ей заблагоразсудится, избирать въ числѣ своихъ представителей и евреевъ. Такимъ образомъ еще только возможная милость польской куріи выставляется «смягчающей» уже содѣянное нарушеніе правъ евреевъ; назначеніе евреевъ поляками будто имѣетъ цѣлью расширить еврейское представительство. Вопросъ о представительствѣ еврейскаго населенія переносится въ плоскость іудейскаго исповѣданія того или иного городского гласнаго. Ясно, что на самомъ дѣлѣ—вопреки увѣреніямъ иниціаторовъ—этимъ не вносится рѣшительно никакого корректива въ ограниченіе правъ еврейскаго населенія. Поправка Грабскаго, конечно, приходитъ на помощь полякамъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ (согласно указанію одного депутата) пятнадцати полякамъ придется избирать двадцать четыре гласныхъ; но она ни въ какой степени не увеличиваетъ представительства еврейскаго населенія. Ибо захочетъ-ли или не захочетъ польская курія избирать евреевъ, избранные ею гласные, будь то поляки или евреи, будутъ и могутъ представлять лишь выбиравшихъ ихъ поляковъ, а никакъ не—невыбиравшихъ ихъ евреевъ.

Но этого мало. Разбираемая поправка не только ничего не «смягчаетъ», но еще пуще усугубляетъ, отравляетъ еврейское безправіе. Въ сущности она лишь переноситъ въ публичное право стародавній частнохозяйственный институтъ Царства Польскаго—институтъ еврейскихъ факторовъ при польскихъ панахъ. Но какова бы ни была роль этого института въ хозяйственной жизни, ме-

нѣе всего ему мѣста—въ муниципальной. Въ самомъ дѣлѣ, ограниченіемъ представительства 10% и 20%, евреи лишены всякаго сколько нибудь серьезнаго вліянія на городскіе дѣла. Однако, за еврейскимъ представительствомъ все-таки еще сохраняется—согласно внесенному законопроекту—одна функція, моральная: выявлять мнѣніе еврейскаго населенія, давать огласку его требованіямъ и настроеніямъ. Вотъ эту послѣднюю возможность и предназначена затушить и отравить разбираемая поправка. Ибо, разумѣется, единомышленникамъ коло не представится затрудненій провести, когда это имъ понадобится, въ число своихъ представителей—и нужное число еврейскихъ ставленниковъ; и эти ставленники своими поддѣльно-еврейскими голосами всегда сумѣютъ—будто въ качествѣ евреевъ—провозглашать то, что будетъ угодно поставившимъ ихъ господамъ. Подтасовать выраженіе общественнаго мнѣнія еврейства послѣ того, какъ оно уже лишено возможности оказывать вліяніе на мѣстныя дѣла—таковъ подлинный и единственный смыслъ поправки депутата Грабскаго.

И даже не столько къ издѣвательству сводится въ данномъ случаѣ либерализмъ польскаго коло, сколько—къ подвоху.

IV. Невинность и капиталъ [1]).

(Въ 4-ой Государственной Думѣ).

Польское коло уже не со вчерашняго дня вызывало къ себѣ въ различныхъ кругахъ русскаго

[1]) «Сѣверныя записки», 1913 г. № 5—6.

общества—сперва подавляемое недоумѣніе, а потомъ все болѣе накипавшее и все громче сказывавшееся раздраженіе.

Еще недавно въ столкновеніи съ Милюковымъ петербургскій польскій избирательный комитетъ могъ тщательно отъединять его отъ остальной кадетской партіи; но вотъ уже и Родичевъ, вѣрный паладинъ давней любви русской интеллигенціи къ Польшѣ, направилъ на польскій реакціонный націонализмъ свои громы. Когда Гарусевичъ отъ имени коло оффиціально порвалъ съ русской оппозиціей (съ крайней лѣвой у нихъ никогда не было общаго), ему дали твердую отповѣдь и Шингаревъ и Родичевъ. На игривое замѣчаніе Гарусевича о несклонности коло къ политическому аскетизму, Родичевъ весьма прозрачно предостерегъ коло отъ всего менѣе почетнаго пути политической проституціи. Да и правѣе отъ кадетовъ—прогрессистъ Масленниковъ еще въ третьей Думѣ говорилъ по адресу польскаго реакціоннаго націонализма нелестныя вещи. Лѣвѣе отъ кадетовъ—съ Керенскимъ дошло дѣло до вызова на дуэль; Янушкевичъ, какъ литовецъ и трудовикъ, высказалъ коло заслуженно-обидную правду. И не болѣе щадили коло соціалъ-демократы; Малиновскій въ рѣзкой рѣчи вернулся къ словамъ Керенскаго. Да и внѣ Думы—не происходитъ ли то-же. Въ юридическомъ собраніи на докладѣ, посвященномъ польско-еврейскимъ отношеніямъ, члены коло могли услышать страстную и яркую рѣчь Мякотина; а въ различныхъ органахъ печати прочитать рядъ статей, начиная со статей Мякотина и Кокошкина.

Если только недавно такъ широко разлилось

недовольство польскимъ коло, то накипало и зрѣло оно уже и раньше. Въ самомъ дѣлѣ, прогрессивному обществу весьма мало можетъ улыбаться соціально-политическая реакціонность польскаго коло; точно также ему весьма мало можетъ улыбаться и его политика національнаго угнетенія. Мало пріятнаго доставляетъ прогрессивному русскому обществу и та явная безболѣзненность и тотъ наглядный грошовый разсчетъ, съ которымъ польское коло—безъ существеннаго измѣненія своего состава, и ужъ во всякомъ случаѣ безъ измѣненія своей партійной окраски—перекочевало изъ лагеря союзниковъ оппозиціи въ станъ кліентовъ реакціи. Ему должно показаться страннымъ категорическое настояніе коло слѣпо считаться съ нимъ, какъ съ правомочнымъ представителемъ будущей автономной Польши, при полномъ нежеланіи самого коло считаться съ русской оппозиціей, тоже, вѣдь, въ нѣкоторой степени, являющейся носительницей будущаго свободной Россіи.

Но, думается, еще не это является опредѣляющимъ въ томъ настроеніи, которое сказалось по поводу вызова Керенскому. Ну, что-жъ, могутъ, вѣдь, быть такіе демоническіе эгоисты, не боящіеся попирать даже тѣ самые принципы, которые служатъ опорой имъ самимъ, если это выгодно для ихъ дѣла,—и слѣпо идущіе хоть къ чорту въ пасть, чтобы добиться разъ поставленныхъ цѣлей. Такіе политики, даже будучи признаваемы роковыми для общественности, опасными для народнаго блага и свободы, все еще могутъ внушать уваженіе, какъ характеры. Но вотъ въ томъ-то и дѣло, что, и какъ характеры, политики коло внушаютъ совершенно иныя чувства.

Крайняя требовательность по адресу оппозиціи слишкомъ уже безмятежно сочетается у польскаго коло съ крайней покладливостью, даже приниженностью по отношенію къ центру, къ Государственному Совѣту, къ правительству; а сочетаніе заносчивости и угодливости (когда угодливость обращена къ сильному, а заносчивость въ другую сторону)—еще никогда не привлекала человѣческія сердца.

Заносчивая угодливость сочетается у польскаго коло со стремленіемъ избѣжать отвѣтственности за свое поведеніе. Политики коло, видимо, стыдятся его не только передъ русскимъ общественнымъ мнѣніемъ, которому, впрочемъ, они высокомѣрно даже не разрѣшаютъ заглядывать въ польскія дѣла, тѣмъ менѣе имѣть о нихъ сужденіе; они, думается, стыдятся общественнаго мнѣнія и своего же народа,—по крайней мѣрѣ, дѣйствуютъ они исподтишка, тщательно стараясь замести слѣды своихъ поступковъ. Такъ, дѣлая все, чтобы заполучить хоть краешекъ власти для польскихъ націоналистически реакціонныхъ верховъ (въ городскомъ самоуправленіи), они всячески стремились не только скрыть отъ общества то политическое самоотреченіе, идти на которое согласились для полученія законопроекта, но еще и притвориться непріемлющими его. И вотъ газеты сообщали, какъ они побуждали кадетовъ и прогрессистовъ голосовать за законопроектъ, съ тѣмъ, чтобы самимъ имѣть возможность голосовать противъ него,—большинство составилось бы и безъ нихъ. Во имя польскихъ интересовъ потребовавъ отъ оппозиціи голосованія за законопроектъ, они хотѣли сами умыть руки и стать въ благородную

и безопасную позу протестантовъ, обезпечившихъ себѣ безвредность своего протеста.

И вотъ въ такой атмосферѣ при обсужденіи уже въ IV Думѣ того же законопроекта о самоуправленіи въ городахъ Польши, вернувшагося въ Думу изъ Государственнаго Совѣта въ значительно ухудшенномъ видѣ, большинствомъ внезапно прекращаются пренія, едва только они начинались. Стало извѣстнымъ, что это сдѣлано сообразно желанію членовъ коло; нѣкоторые изъ нихъ (меньшинство) и голосуютъ за гильотину.

Можно себѣ представить возбужденіе, охватившее русскую оппозицію. «Не зажимайте намъ рта», кричитъ Родичевъ; и Керенскій называетъ тѣхъ польскихъ депутатовъ, которые обращались къ руководителямъ праваго большинства съ цѣлью именно зажать ротъ оппозиціи, защищавшей интересы и евреевъ и польской демократіи, въ частности и права польскаго языка,—измѣнниками дѣлу своего народа.

Великое возмущеніе охватываетъ членовъ польскаго коло. Ихъ представитель, Гарусевичъ, съ трибуны отвергаетъ сдѣланные упреки, утверждая, что коло голосовало противъ прекращенія преній; объ обращеніи къ октябристамъ («зажать ротъ») онъ прямо не говоритъ, но отвергая упреки указаніемъ на противоположное голосованіе, какъ бы отрицаетъ этотъ фактъ. Однако, благородное негодованіе не успокаивается на этой окольной неправдѣ, и другой представитель коло вызываетъ лидера трудовиковъ на дуэль. Заикающейся неправдѣ оратора приходитъ на подмогу шумная отвага дуэлянта.

Но не прикрывается ли этой отвагой политическое малодушіе, не скрывается-ли за гордой фигурой дуэлянта согбенный силуэтъ политическаго лицемѣра. Блескомъ шпаги не отводятъ-ли глаза отъ некрасиваго общественнаго поведенія, отъ неправдиваго заявленія. Просили-ли польскіе депутаты октябристовъ прекратить пренія или нѣтъ—въ этомъ весь вопросъ. Нанесли-ли предательски ударъ защитѣ и еврейскихъ и польскихъ-же демократическихъ требованій, или нѣтъ.

И уклончивый отвѣтъ Гарусевича, что упреки неосновательны, такъ какъ коло голосовало противъ прекращенія преній, представляетъ кульминаціонный пунктъ всего инцидента. Ибо получается картина, уже извѣстная изъ прецедентовъ. Коло (правда, только въ своемъ большинствѣ) дѣйствительно голосовало противъ прекращенія преній, исподтишка же подготовило за кулисами эту нужную ему гильотину. Предательскій ударъ изъ-за угла свободѣ парламентскаго слова, и немедленное же появленіе на публичную арену съ невиннѣйшимъ голосованіемъ въ ея защиту, голосованіемъ, безполезность котораго, именно, и обезпечена этимъ ударомъ; а въ довершеніи и рѣчь, заметающая слѣды этого двуличія. Трудовая группа предлагаетъ третейскій судъ для выясненія обстоятельствъ дѣла. Но коло и слышать не хочетъ о судѣ, объ обнаруженіи правды. Пожалуйте-молъ къ барьеру; ибо бываетъ, что звать другого къ барьеру—это единственный способъ самому не оказаться у позорнаго столба.

ОБЫВАТЕЛЬСКІЕ КОМИТЕТЫ [1]).

Въ тѣни великой войны ведутся и маленькія войны; въ тѣни народныхъ столкновеній, заполнившихъ вниманіе всего міра, протекаютъ и столкновенія меньшія, укрываемыя отъ вниманія даже и ближайшихъ сосѣдей,—но отъ того не менѣе болѣзненныя и подчасъ трагическія для тѣхъ, кто въ нихъ участвуютъ, и въ особенности для тѣхъ, кто является въ нихъ страдательной стороной. Къ такимъ меньшимъ національнымъ столкновеніямъ относится и борьба, которую ведетъ всецѣло возобладавшій въ польскомъ обществѣ націонализмъ противъ еврейскаго народа.

Не со вчерашняго дня ведется эта борьба; уже не одинъ годъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ она приняла въ Польшѣ характеръ планомѣрной кампаніи, направленной на экономическое вытѣсненіе, правовое ограниченіе, моральное униженіе еврейскаго народа. И ясно, насколько разразившаяся великая европейская война, протекающая въ земляхъ польскихъ, перевернувшая всѣ отношенія въ краѣ, поставившая лицомъ къ лицу съ неисчислимыми бѣдствіями, а вмѣстѣ съ тѣмъ многихъ пре-

---

[1]) «Сѣверныя Записки», январь, 1915 г.

исполнившая неожиданными упованіями,—и всѣмъ этимъ разрядившая элементарныя страсти и вожделѣнія—могла, должна была внести обостреніе въ тянущуюся годами и все нараставшую борьбу.

Въ какія формы и явленія выливается антиеврейская кампанія польскаго національнизма при условіяхъ современной міровой борьбы—этотъ вопросъ во всемъ своемъ объемѣ не можетъ быть признанъ достаточно полно освѣтимымъ въ настоящее время, чтобы была возможность поставить его здѣсь на разсмотрѣніе. Я оставляю въ сторонѣ въ силу этого даже и наиболѣе волнующую его составную часть—вопросъ о «германофильскомъ навѣтѣ»; и ограничиваюсь задачей болѣе частной, но зато допускающей возможность отчетливаго анализа, къ тому же, при всей своей частичности, бросающей достаточно свѣта на общія линіи вопроса въ его цѣломъ; я остановлюсь на отношеніи къ еврейскому населенію польскихъ обывательскихъ комитетовъ.

1.

Обывательскіе комитеты явились въ условіяхъ военнаго времени и въ странѣ, ставшей театромъ военныхъ дѣйствій, организаціями самодѣятельности польскаго общества въ дѣлахъ крайней важности. Они завѣдуютъ функціями обслуживанія пострадавшаго отъ войны населенія; временами и мѣстами—въ ихъ рукахъ находилась вся гражданская жизнь даннаго города. Впервые разрѣшенныя польскія общественныя организаціи несомнѣнно представляютъ зародышевую плазму, изъ

которой имѣютъ развиться въ будущемъ и органы нормальной польской самодѣятельности. Поэтому ихъ поведеніемъ не только опредѣляются важныя дѣла военнаго времени, но въ немъ симптоматически просвѣчиваютъ и назрѣвающія отношенія грядущей «мирной» жизни края.

Обывательскихъ комитетовъ образовалось въ Польшѣ множество, но наибольшее и наиболѣе показательное значеніе имѣетъ, разумѣется, комитетъ центральный, созданный наиболѣе вліятельными кругами польскаго общества въ столицѣ края, сосредоточившій въ себѣ наиболѣе отвѣтственныя функціи, наибольшія средства и силы, къ тому же и руководящій остальными комитетами; онъ дѣйствуетъ въ центрѣ наиболѣе напряженной жизни польскаго общества, силами котораго располагаетъ, на виду котораго, подъ вліяніемъ котораго и работаетъ, опираясь на него и имъ руководя. Дѣятельность такого органа, находящагося къ тому же въ непрерывной дѣловой связи съ общегосударственными учрежденіями, является естественно наиболѣе отвѣтственной и наиболѣе показательной и на ней преимущественно я и остановлюсь, привлекая въ дополненіе лишь нѣкоторыя добавочныя черты дѣятельности другихъ комитетовъ.

Характерной чертой, бросающей яркій свѣтъ на еврейскую политику центральнаго обывательскаго комитета, является уже его составъ. А именно: въ немъ всецѣло отсутствуютъ представители евреевъ,—и это въ краѣ, гдѣ евреи составляютъ около одной седьмой части всего населенія (въ частности-же около одной пятой населенія поль-

скаго) и страдаютъ отъ условій военнаго времени, конечно, уже не въ меньшей степени, чѣмъ остальные жители страны. Когда въ русскомъ обществѣ и печати проявились первые признаки недоумѣнія и послышались первые призывы къ національному безпристрастію,—въ газетахъ появились телеграммы о кооптаціи центральнымъ обывательскимъ комитетомъ въ свой составъ предсѣдателя варшавской еврейской общины. Это извѣстіе, оказавшееся ни на чемъ не основаннымъ, вызвало восторженную статью кн. Трубецкого, привѣтствовавшаго первый шагъ національнаго примиренія. На самомъ дѣлѣ, не только такая мѣра, болѣе чѣмъ скромная (какъ ярко выяснилъ кн. Трубецкому въ «Вѣстникѣ Европы» маститый К. Арсеньевъ) не была принята, но даже вовсе и не подвергалась обсужденію [1]). Позже была сдѣлана попытка со стороны нѣкоторыхъ прогрессивныхъ польскихъ дѣятелей покрыть обывательскій комитетъ, объясняя и оправдывая отсутствіе въ немъ еврейскихъ представителей тѣмъ, что будто таковые были вычеркнуты изъ представленнаго списка администраціей. Однако, и это объясненіе оказалось не соотвѣтствующимъ дѣйствительности. На самомъ дѣлѣ, какъ это и было аутентично разъяснено въ томъ же интервью г. Грабскаго, никакіе евреи администраціей разъяснены не были; былъ только вопросъ о многочисленномъ комитетѣ или о комитетѣ малочисленномъ, каковой и рѣшенъ былъ въ пользу второго; этотъ послѣдній и былъ утвержденъ въ томъ самомъ составѣ, который былъ предложенъ, т. е. безъ представи-

[1]) Ср. интервью В. Грабскаго въ «Рѣчи» отъ 9 декабря 1914 г.

телей польскаго еврейства. Оно и осталось непредставленнымъ въ органѣ, вѣдающемъ существеннѣйшіе въ данный моментъ общіе интересы края.

Послѣ того, какъ въ русской прессѣ и обществѣ стали подвергать недоумѣнному обсужденію получавшіяся изъ Польши вѣсти о польско-еврейскихъ «треніяхъ»,—и, надо думать, въ связи съ этимъ обсужденіемъ,—центральнымъ обывательскимъ комитетомъ была принята мѣра, предназначенная, безъ какой либо перемѣны существа дѣла, внѣшнимъ образомъ нѣсколько затушевать создавшееся положеніе. А именно—при комитетѣ была учреждена особая комиссія, посвященная нуждамъ еврейскаго населенія. Судьба этой комиссіи особенно характерно и ярко освѣщаетъ борьбу руководящихъ общественныхъ круговъ Польши съ польскимъ еврействомъ. Самое учрежденіе комиссіи знаменуетъ признаніе (пусть вынужденное давленіемъ чужого общественнаго мнѣнія) своеобразнаго положенія и нуждъ еврейскаго населенія; однако, представители его оказались приглашенными не для участія въ завѣдываніи общими дѣлами, даже и не для завѣдыванія—или участія въ завѣдываніи—дѣлами еврейскими, а только въ качествѣ какъ бы экспертовъ въ комиссію подготовительную, безвластную. Не менѣе характерно и то, что даже и въ этой подготовительной, экспертной комиссіи евреи составили меньшинство (четыре человѣка изъ десяти), и такимъ образомъ лишены были возможности даже и мнѣніе свое выяснять распорядительному органу: и въ экспертизѣ по еврейскимъ дѣламъ еврейскій голосъ, какъ голосъ меньшинства, былъ предусмотрительно оставленъ неслышнымъ. И не менѣе зна-

менательна судьба этой комиссіи. Она принимаетъ рѣшеніе,—единственное рѣшеніе по единственному обсуждавшемуся ею вопросу (объ организаціи помощи евреямъ въ провинціальныхъ обывательскихъ комитетахъ), рѣшеніе, принятое единогласно, т. е. даже и польскимъ большинствомъ, и къ тому же еще—по проекту польскаго сочлена. И при всемъ томъ и этотъ проектъ комиссіи былъ отвергнутъ центральнымъ комитетомъ. Послѣ этого еврейскіе члены комиссіи, убѣдившись какъ въ безплодности своей работы въ ея составѣ, такъ и въ унизительности пребыванія въ ней съ единственною цѣлью отводить глаза отъ полной непричастности польскаго еврейства къ краевой самодѣятельности, выходятъ изъ состава комиссіи. Положеніе вещей возвращается къ полной ясности,—еврейскимъ представителямъ не оказывается мѣста въ органахъ польской самодѣятельности.

Эту картину можно дополнить нѣкоторыми фактами, относящимися къ положенію вещей въ мѣстныхъ обывательскихъ комитетахъ. Въ Варшавскомъ городскомъ комитетѣ принимаетъ участіе одинъ еврей; но—по признанію В. Грабскаго—онъ не только не является представителемъ еврейскаго населенія, но даже и «не имѣетъ контакта» съ нимъ. Согласно опубликованнымъ къ началу января (переданнымъ въ «Рѣчи») даннымъ, изъ 71 провинціальнаго комитета—въ составѣ 52 (т.-е. болѣе 70%) и вовсе нѣтъ евреевъ; при этомъ нѣкоторые изъ этихъ комитетовъ находятся въ мѣстахъ, гдѣ еврейское населеніе превышаетъ 50% всего населенія, а свыше двухъ десятковъ—въ мѣстахъ, гдѣ евреевъ свыше 30%. Евреи принимаютъ участіе только въ 19 (изъ 71) комитетахъ, при-

чемъ, обыкновенно, не по выбору еврейскаго населенія, а по приглашенію поляковъ; и къ тому же, разумѣется, внѣ всякаго соотношенія съ численностью еврейскаго населенія. Такъ, въ рядѣ комитетовъ ихъ по одному человѣку (на десять и даже на двадцать членовъ); въ нѣкоторыхъ по два, въ одномъ—три. Только въ двухъ промышленныхъ центрахъ участіе евреевъ было болѣе значительнымъ: въ Томашовѣ (8 на 29) и Лодзи (4 на 17); и какъ разъ этотъ случай особенно печально оттѣняетъ положеніе дѣлъ въ Польшѣ, ибо извѣстно, что быстро выросшая за послѣднее время Лодзь въ національномъ отношеніи рѣзко отдѣляется отъ остальной Польши, представляя какъ бы наименѣе польскій изъ польскихъ городовъ. Такимъ образомъ полному отсутствію еврейскихъ представителей въ центральномъ органѣ польской самодѣятельности соотвѣтствуетъ полное отсутствіе ихъ болѣе чѣмъ въ двухъ третяхъ мѣстныхъ комитетовъ и крайне слабое участіе въ остальныхъ. Только тамъ, гдѣ сравнительно наименѣе значительно вліяніе поляковъ, тамъ только возрастаетъ участіе евреевъ въ обывательскихъ комитетахъ.

Въ чемъ-же смыслъ національстической политики польскихъ обывательскихъ комитетовъ?

Въ необычайно тяжелое время для чрезвычайныхъ нуждъ—польскому обществу открывается возможность создать органы самодѣятельности; одновременно появляется надежда и на организацію краевой самодѣятельности и для будущаго нормальнаго времени. Ясно, что временная—для нуждъ военнаго времени—организація является предтечею, зародышемъ, первымъ очеркомъ буду-

щаго самоуправленія; и вотъ въ нее то еврейскіе дѣятели либо вовсе не допускаются, либо допускаются въ несоизмѣримо преуменьшенномъ числѣ; и уже во всякомъ случаѣ по общему правилу не допускаются еврейскіе представители. Съ перваго зарожденія организованной самодѣятельности края еврейское населеніе устраняется отъ участія въ ней. Дѣло здѣсь обстоитъ аналогично тому, какъ обстояло при избраніи во всѣ четыре Госуд. Думы, ни въ одну изъ которыхъ поляки не пропустили ни одного еврея,—поскольку это отъ нихъ зависѣло. (Единственный еврей, Лодзинскій депутатъ въ 4-ую Гос. Думу прошелъ благодаря тому, что большинство избирательнаго собранія составили евреи; еврейское же большинство въ Варшавѣ избрало поляка). При этомъ вѣдь ясно, что и при участіи еврейскаго представительства въ центральномъ обывательскомъ комитетѣ, даже и вполнѣ соразмѣрномъ съ общею численностью населенія, оно осталось бы слабымъ меньшинствомъ, а слѣдовательно, какъ таковое, не могло бы сколько нибудь существенно вліять на содержаніе дѣятельности комитета; значитъ, устраненіе евреевъ не столько имѣетъ цѣлью избавиться отъ ихъ вліянія, сколько — избавиться отъ общественнаго контакта съ ними, имѣетъ первѣе всего значеніе принципіальное и симптоматическое. Еврейство демонстративно не признается субъектомъ краеваго самоуправленія, а развѣ еще объектомъ его. Руководящее польское общественное теченіе не желаетъ имѣть дѣла съ еврействомъ; не признаетъ за нимъ общественныхъ правъ, не признаетъ за нимъ общественной, политической личности.

Таковъ крайне показательный прецедентъ самозарождающейся польской самодѣятельности; и приходится признать, что и то умаленное, куцое участіе въ правовой жизни края, которое еврейству удѣлила *даже* россійская четвертая Гос. Дума (въ проектѣ городского самоуправленія),—неизмѣримо «либеральнѣе» того, что сдѣлало господствующее въ польскомъ обществѣ теченіе. Дѣло здѣсь не только въ количественномъ моментѣ, но и въ принципіальномъ. Четвертая Дума признала еврейское представительство; руководящее польское общество его отвергло. Четвертая Дума признала еврейство управомоченною составною частью Польши; польское общество такое признаніе отвергло. Четвертая Дума допустила, если и не дѣловое вліяніе, то хоть моральный голосъ еврейства въ дѣлахъ самоуправленія; польское общество и его заглушило. Даже и по старому городскому положенію прошлаго вѣка, доосвободительнаго времени—въ городскія думы городовъ черты осѣдлости обязательно приглашаются представители еврейскаго населенія; польское руководящее общество не достигло уровня даже и этого Положенія. *Русская реакція оказалась либеральнѣе польскихъ руководящихъ общественныхъ круговъ.*

2.

Но и не признавая правъ еврейскаго населенія, можетъ быть, польскіе руководящіе круги все же готовы соблюдать его интересы; готовы считаться съ нимъ, какъ съ объектомъ безпристрастной дѣятельности, если и не допускаютъ къ соучастію въ

ней? Первыя же извѣстія изъ Польши дали основанія серьезно усомниться и въ этомъ; вотъ почему русское общество и оговорило помощь, посланную въ польскія учрежденія,—безъ различія національности и вѣроисповѣданія. Позже оказалось и этого мало, ибо дальнѣйшія сообщенія безпристрастныхъ изслѣдователей, въ первомъ ряду которыхъ слѣдуетъ поставить Е. Д. Кускову, превзошли все, чего можно было опасаться. И нѣкоторыя общественныя организаціи [1]) стали просто раздѣльно посылать свою помощь въ польскій обывательскій комитетъ и въ еврейскія учрежденія; или даже и посылая—согласно мысли Е. Д. Кусковой—въ обывательскій комитетъ, прибѣгли къ опредѣленной оговоркѣ тѣхъ долей посланнаго, которыя должны быть переданы имъ раздѣльно въ польскія и въ еврейскія учрежденія помощи.

Такое явно выраженное недовѣріе къ національному безпристрастію польскаго комитета,—притомъ выраженное людьми и учрежденіями вполнѣ незаинтересованными,—должно было, чтобы проявиться столь наглядно, быть вызвано чрезвычайно существенными фактами. Таковые и были въ изобиліи доставлены сообщеніями изъ Польши. И въ самомъ дѣлѣ, обнаружилось, что въ дѣлѣ помощи пострадавшимъ отъ войны, бѣженцамъ, безработнымъ, больнымъ, голоднымъ, обнищавшимъ — евреи обывательскимъ комитетомъ предоставлены своимъ собственнымъ силамъ.

Всѣ учрежденія помощи—секція бѣженцевъ. столовыя, биржи труда, санитарныя дружины—все

---

[1]) Такъ поступили и нѣкоторыя организаціи оффиціальныя.

это организовано польскимъ центральнымъ комитетомъ для поляковъ. Никуда евреямъ доступа нѣтъ; для евреевъ же соотвѣтствующія учрежденія организуются особо еврейскою общиною—въ мѣру ея возможностей, и основнымъ образомъ за ея собственный счетъ, при содѣйствіи денежной помощи различныхъ внѣпольскихъ - еврейскихъ, русскихъ общественныхъ и даже оффиціальныхъ учрежденій. Даже «лавки обывательскаго комитета оказывали помощь главнымъ образомъ полякамъ» (см. ст. Е. Кусковой, «Рѣчь», 23 ноября, также ея же болѣе обстоятельную статью въ «Русск. Вѣдомостяхъ»). Одно время евреямъ вовсе не продавали изъ лавокъ; потомъ вышло рѣшеніе: полякамъ продавать до 4 ч. дня, евреямъ—послѣ. Практически, какъ это было отмѣчено другими наблюдателями, такой порядокъ сводился не только къ тому, что евреямъ продавали одни остатки, но подчасъ остатки едва ли пригодные для использованія (напр., при продажѣ угля - угольную пыль). Другой наблюдатель О. Кобецкій (въ «Днѣ») узналъ при своемъ посѣщеніи еврейской столовой, что даже и ей не отпускали (будемъ думать, что и это измѣнилось подъ давленіемъ русской печати) товаръ изъ «обывательскихъ» лавокъ,—и «когда въ лавкахъ обывательскаго комитета соль стоила полторы копѣйки фунтъ, мы должны были платить за нее для этой самой кухни по семи копѣекъ» и пр. Наибольшее, чего смогла добиться еврейская община, заключалось въ томъ, чтобы обывательскій комитетъ взялъ одно изъ ея учрежденій подъ свой совершенно формальный «протекторатъ», значеніе котораго, не имѣвшее никакого практическаго со-

держанія, можетъ свестись лишь къ тому, чтобы бухгалтерской фикціей нѣсколько прикрыть фактическое положеніе вещей. Только позже, видимо, въ связи съ недоумѣніемъ, запросами и воздѣйствіемъ, исходившими отъ русскаго общественнаго мнѣнія, обывательскій комитетъ удѣлилъ еврейскимъ учрежденіямъ кое-какія средства изъ суммъ, пожертвованныхъ безъ различія національности и вѣроисповѣданія; но въ общемъ отношенія этихъ учрежденій остались и позже безъ существенныхъ перемѣнъ.

Необходимо опредѣленно отмѣтить, что менѣе всего дѣло здѣсь въ томъ, соблюдена-ли точная пропорція въ распредѣленіи между націями суммъ, пожертвованныхъ безъ различія вѣроисповѣданія и національности. Дѣло не въ лишнихъ десяткахъ тысячъ рублей (которые все равно вѣдь пойдутъ нуждающимся въ нихъ); дѣло въ гораздо болѣе глубокомъ и важномъ.

Великая война посѣтила своими бѣдствіями польскій край, постигла своими ударами все ея населеніе, и польское и еврейское. Оставимъ въ сторонѣ тѣ общеизвѣстныя сугубыя бѣдствія, которыя обрушиваются на евреевъ и которыя отмѣчаетъ декларація еврейскихъ депутатовъ въ Думѣ 27 января; оставимъ въ сторонѣ толпы однихъ только еврейскихъ бѣженцевъ, моральныя и матеріальныя потрясенія одного только еврейскаго населенія. Во всякомъ случаѣ все населеніе страдаетъ одновременно, рядомъ, частью даже и совмѣстно, отъ общихъ основныхъ причинъ войны, часто въ однихъ и тѣхъ же бомбардировкахъ

и разоренiяхъ. Организуется помощь; и вотъ мы видимъ, какъ въ этой дѣятельности руководящіе круги Польши,—на данную минуту ея представители, ведущіе за собой тысячи общественныхъ работниковъ, апеллирующіе къ усиліямъ всѣхъ, апеллирующіе и къ содѣйствію за предѣлами края, къ содѣйствію государственныхъ организацій,—тщательно отмежевываются отъ помощи еврейскому населенію, отъ какой-либо работы совмѣстно съ его представителями; отталкиваютъ его въ эту тяжелую, безконечно мучительную эпоху совмѣстныхъ бѣдствій вглубь общественнаго безправія, народной безпомощности, моральнаго одиночества. Центральный обывательскій комитетъ удѣляетъ крохи еврейскимъ учрежденіямъ, и то лишь въ связи съ агитацiей, поднятой въ Россіи; а для отвода глазъ онъ разсылаетъ циркуляры комитетамъ провинціальнымъ объ оказаніи помощи безъ различія вѣроисповѣданія [1]), циркуляры, которые онъ наглядно для всѣхъ, а въ осо-

[1]) За національность-же евреи, разумѣется, польскимъ національнымъ не признаются, въ особенности когда дѣло идетъ объ оказаніи имъ помощи или предоставленіи имъ представительства. За то польскій національнымъ съ величайшей охотой, настойчивостью и убѣжденностью признаетъ евреевъ особой національностью, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы ихъ разорять бойкотомъ; ибо вполнѣ убѣдительнымъ мотивомъ для такого разоренія считается потребность создать польскую буржуазію, и вытѣснить съ этой цѣлью евреевъ, какъ буржуазію чужой національности. Предоставить еврейскому населенію возможность имѣть свое представительство или свои учрежденія,—помилуйте, они вѣдь такіе же поляки, какъ и всѣ, только іудейскаго исповѣданія. Разорять евреевъ во имя успѣховъ этнически-польскихъ торговцевъ и промышленниковъ,—разумѣется, они вѣдь чужой полякамъ и Польшѣ народъ.

бенности для своихъ адресатовъ, безъ всякихъ стѣсненій отрицаетъ каждымъ актомъ своей работы [1]).

Такъ поступаютъ отвѣтственныя организаціи, культурныя, руководящія силы, дѣйствуя сознательно и планомѣрно. А вокругъ въ беззастѣнчивыхъ органахъ печати и въ особенности въ толпѣ бѣжитъ и ширится инсинуація за инсинуаціей. И раздаются въ печати призывы воспользоваться тяжелыми обстоятельствами бѣженцевъ, и такъ уже разоренныхъ и нищихъ, чтобы захватить ихъ «экономическія позиціи» и тѣмъ лишить ихъ возможности вернуться на родныя мѣста. Глядя на великія бѣдствія, на тяжелыя моральныя потрясенія, на гибель и крушеніе новаго Іова,— шакалы печати только щелкаютъ зубами; мародеры политики учитываютъ добычу съ соціально раненыхъ и искалѣченныхъ. Слои пониже ударяются въ непосредственную, откровенно публичную травлю и издѣвательства, норовятъ собственными средствами довершить разоренія, проэксплоатировать въ свою выгоду стрясшіяся надъ евреями несчастія; бѣдствія войны, общія для всего населенія Польши, и постигающія народы, живущіе бокъ-о-бокъ, учитываются какъ благопріятное обстоятельство, какъ благопріятный шансъ въ процессѣ вытѣсненія евреевъ. Вмѣсто сочувствія и созвучной скорби въ совмѣстно переживаемыхъ бѣдствіяхъ—травля и вытѣсненіе; а со стороны органовъ краевой самодѣятельно-

---

[1]) «...принципъ «безъ различія вѣроисповѣданія и національности» является тамъ въ буквальномъ смыслѣ слова пустымъ мѣстомъ», пишетъ Е. Кускова (Русск. Вѣд., 3 дек. 1914 г.).

сти—вмѣсто содѣйствія—подлинный, хотя и прикрытый отказъ въ помощи. Со злою ясностью можетъ быть резюмировано положеніе приводимыми Е. Кусковой словами одного изъ поляковъ-руководителей убѣжища для бѣженцевъ. Утверждая, что убѣжище *ни въ какомъ случаѣ* не принимаетъ евреевъ, даже больныхъ, даже съ дѣтьми, даже ночью, даже если въ еврейскихъ пріютахъ нѣтъ мѣста, онъ замѣтилъ: «польскій народъ не можетъ жить въ одномъ помѣщеніи съ еврейскимъ» («Русск. Вѣд.», 3 дек. 1914 г.).

«Но вѣдь тутъ только милосердіе, только благотворительность. А что же будетъ при государственно-правовомъ строительствѣ?» задаетъ зловѣщій вопросъ Е. Кускова.

3.

Между дѣломъ милосердія и государственно-правовымъ строительствомъ есть еще обширная область, и о ней то я и хочу еще сказать здѣсь нѣсколько словъ.

Въ дѣятельности обывательскихъ комитетовъ раздача денежной помощи, конечно, является далеко не наиболѣе важной задачей, и даже явное пристрастіе въ распредѣленіи средствъ между различными группами людей, подлинно нуждающихся,—какое бы моральное и правовое зло оно ни представляло,—еще не является зломъ важнѣйшимъ. Гораздо существеннѣе денежной помощи организаторская дѣятельность; въ ней обывательскіе комитеты всецѣло отказываютъ еврейскому населенію. И не менѣе существенное, а можетъ

быть и несравненно большее значеніе, имѣетъ представительная функція обывательскаго комитета передъ лицомъ государственной власти.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь совершенно ясно, насколько въ государственномъ дѣлѣ помощи пострадавшимъ отъ войны—малозначительна роль частной дѣятельности, лишенной содѣйствія правительственнаго, административнаго механизма, государственныхъ силъ и средствъ; и ясно, что необходимо какое-нибудь передаточное звено между мѣстной самодѣятельностью и государственнымъ механизмомъ. Такимъ звеномъ естественно является центральный органъ краевой самодѣятельности—центральный обывательскій комитетъ. Цѣлый рядъ функцій по сношенію съ государственными органами и учрежденіями неизбѣжно осуществляются имъ однимъ; къ нему обращаются съ запросами и предложеніями, онъ обращается съ требованіями. Если необходимы для подвоза продовольствія или топлива (продовольствія и топлива для всего края, для всего города, ибо холодъ и голодъ испытываютъ люди взаправду безъ различія вѣроисповѣданія и національности)—вагоны, то съ желѣзными дорогами, естественно, сносится центральный обывательскій комитетъ, въ распоряженіе котораго вагоны и отпускаются; если нужно военной власти издать какія-либо распоряженія или вызвать какія либо обывательскія мѣры, то опять таки, естественно, сносятся съ обывательскимъ комитетомъ. Подобнаго рода дѣятельность весьма часто не распредѣлима на части (и во всякомъ случаѣ не распредѣляется)—по національностямъ; она едина, нераздѣльна, она осуществляется для всего края, или

для всего города. И вотъ представимъ себѣ, что мѣра, имѣющая значеніе для всей Варшавы предоставляется государственными учрежденіями обывательскому комитету, который, не считаясь съ еврейскимъ населеніемъ, попросту устраняетъ его изъ поля своего вниманія. При такихъ условіяхъ мѣра, предпринятая въ интересахъ всего населенія, отклоняется въ сторону только части его, и еврейское населеніе можетъ не только оказаться лишеннымъ поддержки общественной самодѣятельности, но и оказаться внѣ сферы дѣйствія государственныхъ мѣропріятій. Оно лишено возможности самостоятельно сноситься съ государственными учрежденіями, посколько тѣ дѣйствуютъ черезъ посредство обывательскихъ комитетовъ, какъ представителей края; но обывательскіе комитеты не считаются съ еврейскимъ населеніемъ и оно можетъ оказаться изъятымъ изъ системы государственнаго попеченія.

Но этого мало. Посколько обывательскіе комитеты, какъ органы общественной самодѣятельности, являются естественными орудіями и каналами государственной работы, и посколько эти комитеты съ отмѣченной послѣдовательностью настроены на борьбу съ еврействомъ, ясно, что самая исключительность ихъ положенія даетъ имъ возможность — при желаніи — злостно использовать свои спеціальныя полномочія во вредъ еврейскому населенію, въ подрывъ даже и тѣмъ еврейскимъ слоямъ, которые непосредственно войною не задѣты. Путей для этого множество, хотя чаще всего они и не достаточно наглядны во внѣ и не легко извнѣ контролируемы. Пусть, напр., обывательскій комитетъ имѣетъ выборъ выписывать

зерно или муку; выборъ можетъ быть сдѣланъ по соображеніямъ чисто общественнымъ; но гдѣ найти гарантію противъ того, чтобы здѣсь не вліяло на рѣшеніе—желаніе лишить работы еврейскія мельницы. Пусть, напр., получаемая на льготныхъ основаніяхъ мука—по соотвѣтственно удешевленнымъ цѣнамъ—продается пекарямъ; гдѣ найти гарантіи того, что не одни польскіе пекаря (или преимущественно они) окажутся контрагентами обывательскаго комитета, и что такимъ образомъ еврейскіе пекаря не окажутся лишенными возможности нормально конкурировать со своими болѣе счастливыми сотоварищами. Подобные случаи могутъ представляться на каждомъ шагу, ибо въ рукахъ обывательскаго комитета сосредоточиваются большія общественныя и государственныя возможности. Гдѣ гарантіи того, чтобы, преслѣдуя свою антиеврейскую политику, онъ не использовалъ этихъ возможностей, предназначенныхъ для дѣла помощи и благотворенія,—сообразно бойкотистскимъ догмамъ, т.-е. не только въ обходъ интересовъ еврейскаго населенія, но и во вредъ ему, въ цѣляхъ разоренія и тѣхъ еврейскихъ слоевъ, которыхъ еще пощадила война. Вѣдь подобная политика проповѣдуется отъявленными борцами противъ еврейства; и въ чемъ гарантія того, что въ этой атмосферѣ обывательскій комитетъ не пойдетъ—не пошелъ уже—по этому пути? Развѣ вся дѣятельность его не обнаруживаетъ *по меньшей мѣрѣ* полнѣйшаго пренебреженія къ правамъ и интересамъ еврейскаго населенія, жестокой враждебности даже въ дѣлѣ благотворенія. Развѣ онъ планомѣрнымъ невключеніемъ въ свой составъ еврейскихъ сочленовъ не

устранилъ возможности контроля съ ихъ стороны, развѣ онъ такимъ образомъ не отказался отъ права отвергнуть законныя нареканія и обоснованныя подозрѣнія ссылкой на участіе въ работѣ заинтересованныхъ въ ней?

Но мало и этого. Пройдетъ пора военныхъ бѣдствій, наступитъ пора возстановленія, воскресенія Польши. И опять-таки, конечно, органамъ мѣстной самодѣятельности,—обывательскимъ комитетамъ или тѣмъ учрежденіямъ, которые изъ нихъ выростутъ,—придется сыграть здѣсь крупную роль; ибо, разумѣется, только мѣстныя учрежденія, только мѣстные люди сумѣютъ надлежащимъ образомъ повести дѣло возстановленія во всѣ микроскопическіе изгибы бытовой ткани. Въ этой полосѣ положеніе еврейскаго населенія, какъ населенія городского, въ значительнѣйшей части ремесленнаго и торговаго, уже силою вещей окажется специфически затруднительнымъ. У крестьянина (и помѣщика) остается земля, и значитъ необходимо будетъ помочь ему въ возстановленіи живого и мертваго инвентаря, хозяйства,—но основной носитель его благосостоянія останется за нимъ. Ремесленнику и торговцу возможно, конечно, оказаніемъ кредита помочь возстановить инструменты и запасы товара; но изгнанный изъ насиженнаго мѣста, разореннаго, опустѣвшаго, онъ окажется лишеннымъ основной предпосылки своей работы—налаженнаго бытового рынка, бытовой кліентуры. Онъ окажется у себя на родинѣ точно эмигрировавшимъ въ чужіе, и притомъ наименѣе благопріятные, края. Здѣсь даже не нужно будетъ упорно проводимаго сознательнаго бойкота, чтобы фактически выбить его изъ его «эко-

номической позиціи». Если же прибавить къ этому, что отвѣтственная работа по возстановленію нормальныхъ условій жизни будетъ въ значительной степени въ рукахъ мѣстныхъ польскихъ организацій, подобныхъ обывательскимъ комитетамъ, то изъ дѣятельности ихъ въ острое вóенное время можно легко вывести ясное представленіе о томъ, сколь сугубо тягостнымъ должно оказаться положеніе еврейскаго населенія въ послѣдующее мирное время.

Впрочемъ, цѣлью настоящей замѣтки было не рисовать мрачныя перспективы будущаго, а дать—на анализѣ имѣющихся свѣдѣній преимущественно о польскомъ центральномъ обывательскомъ комитетѣ—представленіе о силахъ слѣпого и безпощаднаго націонализма, руководящаго нынѣ польскимъ обществомъ. Подъ шумъ міровой войны онъ продолжаетъ свою частную маленькую войну съ еврействомъ; и тѣмъ успѣшнѣе можетъ ее вести, что могучимъ союзникомъ польскаго націонализма явилась сама міровая война. То, чего не могъ бы достигнуть бойкотъ и сопровождавшія его явленія, то легко осуществляется нынѣ въ грохотѣ битвъ; политикѣ, вдохновляющей обывательскіе комитеты, останется только закрѣпить послѣдствія. Еврейское населеніе, поражаемое съ фронта и фланга войною и сопровождающими ее бѣдствіями, съ тыла продолжаетъ выдерживать нападеніе агрессивнаго польскаго націонализма. Выдержитъ ли оно эту безпощадную коалицію?

Будущее отвѣтитъ на этотъ вопросъ. Сейчасъ же польскому еврейству остается только отстаивать себя по двумъ линіямъ—дѣловой самопо-

мощи и широкой гласности. Еврейское населеніе Польши должно создавать свои собственныя учрежденія самопомощи, стараясь добиться въ той или иной формѣ признанія ихъ, въ качествѣ органовъ самодѣятельности польскаго еврейства, какъ со стороны общегосударственныхъ учрежденій, такъ и со стороны польскихъ обывательскихъ комитетовъ; ибо только на почвѣ такого признанія возможно установить справедливую охрану интересовъ всего населенія, страдающаго отъ войны. И съ другой стороны, необходимо широко освѣщать передъ общественнымъ мнѣніемъ происходящую въ Польшѣ національную борьбу, ибо въ затхломъ мракѣ тщательно укрываемыхъ отъ посторонняго глаза угловъ слишкомъ ужъ легко разростается ядовитая плѣсень націоналистическаго угнетенія. Уже и сейчасъ «вмѣшательство» русскаго общественнаго мнѣнія, посколько оно сказалось въ цѣломъ рядѣ устныхъ и печатныхъ выступленій Кусковой, Малянтовича, Мякотина, Милюкова, Пѣшехонова, Арсеньева, Коробки, Пантелѣева и нѣкоторыхъ другихъ, — если и не внесло измѣненія въ общую политику польскаго націонализма, все же повліяло на нѣкоторыя, хотя бы и второстепенныя, мѣры. Если бы польскіе послѣдовательные демократы—есть же тамъ таковые—вмѣсто того, чтобы изъ ложно понятой національной солидарности прикрывать (какъ они, къ сожалѣнію, слишкомъ часто дѣлаютъ) дѣятельность господствующаго въ Польшѣ націонализма, присоединились къ русскому передовому обществу, то дѣло національной справедливости и задача удовлетворенія кричащихъ народныхъ нуждъ получила бы дальнѣйшую подмогу. Какъ бы то

ни было, если свѣтъ гласнаго обсужденія, если вмѣшательство общественнаго мнѣнія и не можетъ разрѣшить зловѣщихъ вопросовъ грозной національной борьбы, то оно все же способно внести оздоровляющую и сдерживающую оглядку. И ужъ во всякомъ случаѣ оно способно дать нѣкоторую моральную поддержку той сторонѣ, чьи справедливые интересы нарушаются; сторонѣ, которой приходится обороняться отъ насильническаго натиска агрессивнаго націонализма.

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)